

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

КИЛАН ПАТРИК БЕРК

КЛАН

Annotation

Когда Джек и Пит Лоуэллы находят на проселочной дороге неподалеку от городка Элквуд израненную, окровавленную незнакомку, они быстро понимают, что, возможно, совершили роковую ошибку. Девушку зовут Клэр, и она смогла сбежать от семьи Мерриллов, изощренных убийц-каннибалов, вырвалась из плена, в котором погибли все ее друзья. Ни Клэр, ни ее спасители еще не знают, что их кошмар только начался. Неожиданный побег навсегда изменит жизнь Элквуда и запустит необратимую цепную реакцию отмщения и ненависти, а Мерриллы, боясь разоблачения, пойдут на крайние меры, ведь перед страхом смерти беззащитны даже настоящие чудовища.

Килан Патрик Берк

Клан

© Kealan Patrick Burke, 2011

© Сергей Карпов, перевод, 2018

© Борис Аджиев, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

Писательство — дело одинокое, и все же часто приходится полагаться на доброту других. Поэтому передаю сердечное спасибо Дженнифер и Тайлеру Беркам, Илейн Ламкин, Кэти Джуэл, Тоду Кларку, моим друзьям, семье и, конечно, тебе, читатель.

Посвящается Дуги и работникам Центра 911 округа Делавэр

Элквуд, Алабама
15 июля 2004 года

Все мертво.

Нагая, окровавленная, в состоянии шока, под обжигающим покрытую потом кожу солнцем, высоко стоящи «этм в безоблачном небе, Клэр Ламберт, тем не менее, заметила, что голое и белое, как кость, дерево в поле справа — то же самое, про которое она что-то сказала несколько дней, месяцев или лет назад. Хотя, что она тогда сказала — уже загадка. Она остановилась, если вообще шла, — все это время ей казалось, что она стоит неподвижно, сгорбившись, пока под израненными и грязными ногами ползла, словно гранитный конвейер, дорога, — и прищурилась на искривленный ствол, который напоминал изнуренную мать в истрепанном ветром головном платке: скрученные ветки закрывали живот, будто защищая, колени подогнуты, широко расставленные ноги торчат из-под края застиранной юбки.

Дерево заворожило Клэр, и хотя ее не держали ноги, которые многие мили казались абсолютно независимыми существами, с трудом несущими ее вес, она не могла отвернуться. Ее пах холодным языком лизало пламя; кровь в волосах засохла, а тот вязкий, затвердевший комок в дыре, где когда-то находился правый глаз, тикал, словно глаз заменили на часы, отсчитывающие оставшееся время. Но все же она смотрела, не в силах отвести взгляд, пока безжалостное солнце окрашивало кожу на голове в розовый цвет, поджаривало спину. Пот, чуть прохладнее в слабой тени под грудями, капал как слезы. Наконец она вздрогнула, ноги зашаркали к колючей проволоке, отделявшей поле от дороги. Хлопок зашептал на ветру, когда ее живот встретил проволоку, колючки впились глубоко в кожу; она ничего не почувствовала, только невольно дернулась. Испуганная птица вспорхнула из хлопка с криком, и тот притянул взгляд Клэр к взметнувшемуся пятнышку, воспарившему к небесам, а затем скрывшемуся в ослепительной пелене солнца. Клэр опустила голову, облизнула сухие растрескавшиеся губы языком-наждаком и снова шагнула вперед, не понимая, что ей мешает. За что ее лишают встречи с деревом и ощущения материнского уюта, которое оно могло подарить. И снова она шагнула вперед, и снова ей не дали пройти. В этот раз колючки пронзили кожу. Встревоженная, она сделала полшага назад, и черная проволока зазвенела, как гитарная струна, на которой играл ветер. На железном наконечнике налилась капля крови и повисла, застыв во времени, не обращая внимания на солнце, прежде чем сорваться и окрасить травинку. Нахмурившись, Клэр медленно перевела взгляд с проволоки на дерево, будто во всем виновата эта увядшая женщина, и попыталась заговорить, умолять. Из иссушенного горла донесся лишь тонкий писк: *Помогите*, — затем она будто проглотила пригоршню горячих камешков.

Звук.

Она обернулась, не желая отрывать глаз от дерева, но привлеченная единственным до сих пор звуком, который нельзя было назвать природным и который не был похож на мягкий голос в голове, нескончаемо и настойчиво твердивший, что все мертво. К нижней губе прилипла прядь волос и так и осталась в трещинке, где лопнула кожа.

На нее несся пылающий белый свет. Но она понимала это смутно, ведь между ней и

светом стоял мужчина без лица и рук. Нет, не совсем так. Руки у Дэниэла были на месте, но они лишились кожи, казались очень темными и сырыми. Ее это не беспокоило, ведь он все равно редко ее обнимал — недостаток в их отношениях, который она когда-то надеялась исправить.

Почему ты не берешь меня за руку?

Потому что мы уже не дети, милая.

Но при виде освежеванного черепа из ее единственного глаза показалась слеза, презрев солнце, словно кровь на колючей проволоке.

— Поймаем попутку, — говорил он ей, хотя его губы не двигались. Рваная рана лица под непослушными каштановыми волосами кивнула на сияющий свет позади, который становился все ближе. Над переливающимся металлом плыло отраженное солнце, колеса взбивали густые тучи горчичного цвета.

Она открыла рот, чтобы ответить, сказать своему парню, что им лучше подождать остальных, но, даже если бы обрела голос, чтобы передать слова, ее вдруг рассекла внезапная молния боли, от чего Клэр сломало пополам и вырвало в грязь под ногами.

Все мертво.

Голова распухла, на ее глазах изо рта хлестала темно-красная река, превращая грязь в ржавчину и забрызгивая лодыжки. Вены на шее вздыбились толстыми веревками, раненый глаз загорелся и заныл — казалось, через глазницу пытается выползти мозг, чтобы отстраниться от непонятной реальности еще дальше, чем ей удавалось до сих пор.

Ослабев, она упала на колени, почувствовала, как земля обдирает кожу. Но боли не было. Кожа стала толстой тяжелой шубой, а порванная одежда сейчас не волновала. Ладони скользнули в песок.

Прозвучавший визг могли издать старые петли враг земли, распахнувшиеся, чтобы наконец принять ее; а может, она сама, когда пыталась вздохнуть после потока горькой переваренной паники и скорби; а может, тормоза автомобиля, который она видела, потому что в ее обожженные солнцем уши вплыл новый странный голос. Солнце затмил силуэт, а на обнаженную спину одеялом пала прохладная тень.

— Иисус, Мария, Иосиф и святые небеса, — произнесла она. — Мисс, что с вами?

Это они, только и смогла подумать Клэр. Они пришли забрать меня. Снова мучить. Это подсказывала та же уверенность, что все это время ее подгоняла, безошибочное ощущение, что за ней наблюдают, преследуют, охотятся; ощущение, что она должна быть мертва, хотя почему-то еще дышит.

Она замотала головой, чтобы бросить им вызов. Открыла рот, но вместо слов потекла кровь, и горло разбухло от реки тошноты. Она еще пыталась сопротивляться, но, когда подняла руки, чтобы защититься, они поднялись только в ее мыслях. Тело перестало слушаться. Пара пыльных башмаков ушла из ее поля зрения.

Хорошо. Уходи. Отстань. Вы уже достаточно натворили. Все мертво. Вы убили их всех.

— Хосподи, Пит, живо подай собачью подстилку и фляжку. Шевелись!

Наконец головокружительный поток прекратился, и она нашла силы поднять голову. Перед ней был не человек, а спутанная тень под заломленной шляпой, пугало с золотым нимбом, делавшее вид, что оно — ее спасение. Ужас бился в груди, разжигая новые огни боли, которая будто излучалась из самой ее сути.

Из-за плеча человека выросла новая тень, такая же тощая, но без шляпы, с комком

волос.

Они пришли убить меня.

— Боже ж ты мой, чтой-то у нее с глазом?

— А ну закрой рот, малой.

— Откудава она такая? Совсем без одежды, — голос переполняло нервное возбуждение.

Тень без шляпы сдвинули в сторону. Тощая захлопала руками, пока ее грудь не стала крыльями, опустившимися к Клэр, охватившими ее.

— Помоги поднять.

Она открыла рот, чтобы застонать из-за внезапного, ужасного жара, который ее объял, и почувствовала тепло, сочащееся между ног. Песок тут же потемнел.

— Бать, а она опис...

— *Живо.*

Не успели руки-крылья сомкнуться на ней плотнее, как Клэр несколько раз быстро, сухо, болезненно сглотнула, затем сделала вдох — он прозвучал, как гвоздь, царапающий по грифельной доске, — и криком позвала Дэниэла. Но, несмотря на лившийся из нее измученный жуткий звук и несмотря на то, что ее окружили тени, чтобы уволочь назад в ад, она впервые в жизни поняла, что осталась по-настоящему одна и помощи не будет — ни сейчас, никогда.

От запаха горящего мяса, хоть он и был лишь плодом воображения, рот Люка наполнился слюной. Ему хотелось есть — его ужин прервал меньше часа назад плач Мэттью из дровяника. Вспомнился день из детства, когда Люк наблюдал, как младший брат пытается самостоятельно освежевать оленя, которого они убили стрелой. Люк знал, что возбуждение и желание показать себя приведут Мэтта к ошибке, и оказался прав. С широкой улыбкой на лице и потом на лбу Мэтт, чтобы похвастаться перед Люком, задрал шкуру, которую уже смог отделить от оленя, второй рукой все еще орудуя ножом Боуи. *Я ж грилл, что умею.* Не успел Мэтт дожидаться одобрения Люка, как шкура выскользнула из хватки, а вторая рука по инерции хлестнула к нему. Лезвие прорезало на голом боку тонкую рану в сантиметр глубиной, под самыми ребрами. Люк сомневался, что это так уж больно, но брат упал на колени, хватаясь за волосы, выпуская стыд и разочарование в том же раздражающем напевном плаче — том самом, которым он звал на помощь, когда эта белобрысая вонзила ему в грудь деревянный кол.

Полный гнева, Люк забылся и встал с травянистого пригорка, на котором притаился. Впереди старый чернокожий и его сын переносили обидчицу брата в кузов пикапа без бортов. В силах лишь наблюдать, он выслеживал женщину на дороге, где редко появлялись люди, выжидая, когда появится шанс сократить расстояние и утащить ее назад для расплаты за то, что она сделала. В гневе он забыл о традиционных правилах загона дичи и оставался на дороге, на виду у женщины. Но она его не замечала и ковыляла медленнее хромого енота. Даже оглянься она через плечо и заметь в жарком мареве его жилистый поджарый силуэт, у нее не было шансов уйти. Она истекала кровью, и он рассчитал, что надолго сил ей не хватит.

Задача была совсем несложная. Но, черт возьми, она продолжала брести — уверенно, несмотря на то что, очевидно, не знала куда. Будто вместо того, чтобы слепо блуждать в чаще, ее притягивало к дороге, как железо к магниту. И все же он не торопился — в том не было нужды. Он был уверен в себе, несмотря на боль, которая давала о себе знать всякий раз, когда он вспоминал, что Мэтт ранен, и ранен тяжело.

Но вдруг Люк услышал пикап и отметил, что звук двигателя незнакомый, безопасный, и быстро перескочил через ограду, спрятавшись в траве, наблюдая со странным, неведомым ужасом, как к женщине приближается красный автомобиль.

Клэр, вспомнил он. Один из них называл ее *Клэр*.

Никто и никогда не сбегал. Надолго — нет. Дать кому-то уйти — невыносимая, невообразимая ошибка, которой они избегали, сколько себя помнил Люк. Седой Папа научил их, как и на что охотиться, и зачем. Они неукоснительно следовали его урокам.

Но сегодня...

Сегодня из-за маловероятного стечения обстоятельств Мэтт остался наедине с женщиной. Ее привязали к шесту, руки и ноги схватили веревкой за спиной, в рот забили кляп. Его братья уже изнасиловали ее и ослепили на один глаз, обкорнали почти все пальцы на правой стопе и порезали руки и ноги. В ней неоткуда было взяться новым силам, не говоря уже о воле к жизни, и все же она сумела освободиться и насадить Мэтта на кол. Только через добрые полчаса Люк, старший из пяти братьев, услышал жалобное мяуканье Мэтта; к тому времени тот уже залил кровью весь пол.

Люк знал, что еще не поздно. Он мог сократить расстояние между ним и пикапом прежде, чем они уложат женщину и заведут двигатель, прежде, чем навсегда заберут из их жизни Клэр. Если эти двое у грузовика начнут драку, он с ними разберется. С собой у него был нож Боуи, который он взял из рук Мэтта, поклявшись закончить то, с чем не справился брат. Люк был быстрым. Он бы успел — и всем бедам конец. Нужно лишь броситься вперед.

Но вот он услышал кашель двигателя, увидел грязно-черные клубы дыма из выхлопной трубы пикапа и понял, что *поздно*. Он медленно двинулся к ограде и дороге за ней. Ему хотелось кричать во всю глотку, рвать волосы, царапать кожу, но он лишь перескочил через ограду и помчался в противоположном направлении, прочь от пикапа, — туда, откуда пришел.

Когда он уходил из дома, Мэтт еще был в сознании. Дышал. Живой. Раз Джошуа, Айзек и Аарон не прыгнули в пикап и не отправились в погоню за женщиной, значит, все изменилось.

Но главное, осознал Люк, что *он сам* не подумал взять пикап. Водитель из него был хреновый из-за того, что пальцы на руках торчали во все стороны, но разве это оправдание. Не сейчас. Он всегда был умелым охотником и знал, что братья не последовали за ним, прежде всего, потому, что верили: Люк все уладит. Но они впервые ошиблись — он потерял добычу. И он знал, что будет, когда вернется. Придется отвечать перед Лежачей Мамой, и ее не обрадует услышанное. В последний раз, злясь на него, она велела Седому Папе переломать ему пальцы на левой руке и сдвинуть все, кроме большого и среднего.

Павший духом и терзаемый страхом, Люк остановился и прошептал короткую молитву Господу, чтобы она его пощадила. Но, когда солнце поднялось выше и стало огненным глазом посреди василькового неба, он понял две вещи.

Господь не слышит. Не слушает Люка. Прямо как Папа.

И что сегодня, скорее всего, Лежачая Мама его убьет.

* * *

— Хватит пялиться.

— Прости, бать.

— На дорогу смотри.

Пит кивнул и отвернулся. Они накрыли девушку брезентом — больше ничего не нашлось, — но только что через пыльное окошко в задней стенке кабины Пит заметил, что один край брезента задрался, бешено хлопая в пыли, которую поднимал «шеви», и обнажил правый бок девушки до самого бедра. На виду оказалась одна маленькая грудь, и, хотя ее покрывали порезы и царапины, дыхание подростка участилось, а сердце билось все быстрее с каждой секундой. Он даже не знал, была ли она красивой до того, что с ней случилось. Из-за ран и опухлостей, превративших лицо в мятый кабачок, сказать было трудно. Он надеялся, что да и что стоит ей прийти в себя — если она не умрет среди инструментов и пустых клеток для кур, — она проявит к нему тот интерес, который он еще не сумел вызвать у слабого пола; может, в благодарность за спасение.

Конечно, с дороги раненую подобрал отец, но Пит не будет исправлять ее ошибку, если в первые дни выздоровления она адресует благодарности ему. Да и не справился бы старик один.

— Как думаешь, как ее так угораздило? — снова спросил он отца.

— Звери задрали.

подавив новый порыв оглянуться через плечо, Пит сосредоточился на дороге, которая всасывалась под капот старого «шевроле».

— В жисть не видал, чтоб звери так драли, — пробормотал он. — Видал ее глаз?

— Оклемается, жить будет, — отвечал отец, но на его лице было то же выражение, как когда поднимался ветер, а тучи над фермой становились черными, злыми, бурлящими и готовыми разродиться вихрями, чтобы разорвать их дом на клочки. — Сиди тихо. Привезем ее доку. Он ее мигом на ноги поставит.

— Правда думаешь, он ее спасет?

Вместо ответа старик поднял морщинистую руку и включил радио. Тишину прервали тихая звенящая музыка и долгий вздох отца. Скоро, когда он коснулся пламенем кончика мятой самокрутки, кабину наполнил слащавый запах горящего табака. Этот запах вселял уверенность в Пита — знакомый аромат, который будто мягко вливался в его череп и приручал диких собак его мыслей. Он чуть улыбнулся и снова выглянул в окно.

Ему было все равно, красивая или нет под кровью и всем остальным раненая девушка. Он сам был не красавец, и ему казалось неправильным судить других по стандартам, которым он не отвечал. С рождения у него было слабое сердце, что, наверное, объясняло, почему он всегда надеялся, что любая раненая пташка будет считать его спасителем и любить соответственно. Вылечить сердце собственными силами он не надеялся, а в таком городе, как Элквуд, где жили суровые работающие люди, это значило, что его шансы умереть молодым выше средних.

Он не боялся умереть.

Он боялся умереть в одиночестве.

Когда-то предметом его увлечения была Валери Вон из бакалеи. Она всегда была к нему добра, и какое-то время он ее даже любил, пока однажды не набрался смелости, чтобы в этом признаться, а она сложилась от смеха пополам, как шезлонг со сломанной ножкой, и сказала, что это «мило», а потом изо всех сил старалась избегать даже разговора с ним.

Были, конечно, и другие, но никто не думал ни общаться с ним, ни остаться в Элквуде надолго, чтобы разглядеть в нем что-то еще, кроме не самого умного фермерского паренька с амбициями, которые не простирались дальше границ города.

Валери уехала в Бирмингем.

После этого ему быстро надоели вежливые отказы и нервные оскорбления, веселые подколки и жестокие издевки, так что он послушался совета отца и стал еще усерднее работать на ферме.

И вот они нашли чужачку — она одна, ранена, отчаянно нуждается в помощи. Помощи, которую он мог оказать, если она позволит.

Нервный трепет в животе напомнил, что его ждет очередное разочарование, очередная обида, новый удар по хрупкому сердцу. *Она ж не отсюда. У нее там наверняка свой ухажер имеется. А ты опять как дурень.*

Но, как обычно, надежда придала сил не обращать внимания на предупреждения внутреннего голоса и здравый смысл, который в них звучал.

Он улыбнулся.

Эта — останется.

Он чувствует.

Люк знал, что бывает три вида тишины. Обычная — когда вокруг никого нет, как когда он брел на свалку в полумиле от дома, где они сплющивали и сминали машины, если от них больше не было толку, после того как смяли и сплющили их владельцев. Туда он уходил в поисках покоя, чтобы собраться с мыслями, иногда помолиться.

Еще была тишина, когда только *кажется*, что рядом никого нет, а на самом деле за тобой следят, спрятавшись и затаив дыхание. Это другая тишина, тяжелая, потому что неестественная. И она никогда не длилась долго. Люк давно понял, что, какими бы умными или испуганными люди ни были, сохранять тишину они не умеют, даже если это вопрос жизни и смерти. Он и представить не мог, сколько их жертв могли сбежать, хотя бы ненадолго, если бы всего на секунду дольше задержали дыхание, или проглотили всхлип и стон, или смотрели, куда наступают.

Третий вид тишины — когда тебя окружают люди, и все смотрят, будто бы не дыша, и никто не двигается и не говорит ни слова, потому что все, что они могут сказать, читается в их глазах — ничего хорошего. Самый худший вид тишины, самый опасный.

Именно с такой Люк столкнулся, когда вернулся домой.

Когда он перевалил через холм и начал спускаться к дому, закапал дождь, будто сам Господь выбрал сторону — причем не сторону Люка. С высоты он видел, что дождь не спугнул его братьев. Джошуа, Айзек и Аарон стояли неровным полукругом перед домом лицом к нему. Мэтт темным кулем лежал в грязи у их ног, и не оставалось сомнений, что он мертв. Он лежал на спине, рубашка промокла от крови, глаза — остекленевшие, открытые, спокойно глядели на лившийся в них дождь. Люк остановился в паре шагов от него.

— Когда? — спросил он, словно это имело значение. Он заговорил, чтобы нарушить тишину, которая стала сжиматься вокруг него, словно утренний туман.

— Как тока ты ушел, — наконец ответил Аарон с жесткой ноткой в голосе. Никакой скорби — лишь подавленная боль. — Где девчонка?

Люк покачал головой, не в силах посмотреть брату в глаза. Ему не хотелось видеть в них отвращение, страх и облегчение, что Аарону не достанется то же наказание за то, что он дал девчонке сбежать. Он почти ждал, что братья спросят, как она ускользнула и куда делась, но, конечно, они не спросили. Это было уже неважно. Очень скоро им придется сниматься со старого места и искать новое — задача непростая, несмотря на предупреждения Лежачей Мамы ни к чему не привязываться и не отягощать себя роскошью, от которой нельзя мгновенно избавиться. Это значило, что придется много и быстро трудиться, все время оглядываясь и страшась звука сирен. Это значило новую тишину для их семьи: абсолютное отсутствие звука, которое в любой миг может нарушить враг — Люди Мира, как их звал Папа, которые несли угрозу единственному миру, что они знали.

— Тебя ждет Лежачая Мама, — сказал Аарон. — Велела звать ты сразу как придешь. «Немедля, — грит, — чтоб даже помочиться не ходил. Жду у себя, как только завидите», — грит.

Люк наконец поднял глаза — вытянутое узкое серое лицо его брата, еще длиннее из-за короткой стрижки темных волос, было мрачным. Он не мог понять, получает ли Аарон удовольствие от того, что несет эти вести, и не поблагодарил его, потому что это было не в их обычаях. Помнить о чувствах — только рисковать, что они начнут соперничать жертвам,

которые часто невероятно умело на них играли.

— Тогда я к ней, — ответил Люк и бросил последний взгляд на Мэтта, смирившегося со своей смертью. Картину покоя нарушали только небольшие ржаво-красные лужицы в грязи вокруг его тела, глубокая темная рана в груди и алые ручейки, что пробирались к ногам Люка. — А вы запалите костер.

Двенадцатилетние близнецы: Джошуа, который говорить мог, но делал это редко, и Айзек, которому в девять лет отрезали язык за то, что он ругался на Седого Папу, — послушно кивнули и поспешили к амбару, где хранились старые поленья, осколком одного из которых девчонка оборвала жизнь их брата. Под дождем им понадобится керосин, чтобы огонь занялся, о чем Люк и пробормотал Аарону и смотрел, как его брат уходит, опустив плечи, к сарайчику из насквозь проржавевшего гофрированного железа, где они подвесили и освеживали одного из друзей девчонки.

Затем с пробирающим до нутра вздохом он ненадолго встал на колени в луже крови Мэтта и произнес короткую молитву — не только о душе покойного, но и о себе. Он просил о прощении и смелости, но сам не ждал, что они на него снизойдут. Почему-то он в этом сомневался. Слишком многое пошло не так, чтобы ждать милосердия от Господа или кого-нибудь еще.

Люк поднялся и вошел по ступенькам в дом.

* * *

Через, кажется, целую вечность док Веллман наконец вышел из спальни, которую когда-то делил с женой до ее смерти в 1992-м. Теперь он спал на продавленной софе в гостиной, всегда с включенным телевизором без звука. Без него было не уснуть. Телевизор стал его единственным товарищем. Он — и парочка пациентов, готовых проехать до доктора пятьдесят километров из города. Он многое повидал в жизни, не в последнюю очередь — медленное и болезненное угасание жены в бесконечно длинные недели перед тем, как ее наконец одолел рак. Но по смертельной бледности на лице, когда он вышел к старику и его сыну, было ясно, что такого он еще не видел.

В равной степени из-за возбуждения и нетерпения Пит вскочил первым, оставив отца на маленькой плетеной скамье в коридоре.

— Живая? — спросил подросток. Он искал и не находил ответа на лице старика доктора.

Веллман был таким тощим, что его конечности напоминали ручки переломленных об колено швабр, а грудь — сдутую гармонь, над которой было вытянутое лицо, изборожденное морщинами, где светились удивительной живостью голубые глаза, увеличенные очками без оправы. Сейчас в глазах, остановившихся на лице подростка, читалось беспокойство. Пит ждал, что на него не обратят внимания, ответ доктора будет адресован отцу, и поэтому приятно удивился, когда доктор заговорил именно с ним.

— Да, — сказал он тихим голосом. — Жива, но на грани.

— Поправится? — не унимался Пит.

— Пожалуй, хотя она потеряла много крови.

Мальчик с облегчением выдохнул, хотя сам не заметил, как задержал дыхание.

— Кто с ней это сделал? — спросил, нахмурившись, Веллман. — Не могу себе

вообразить, чтобы кто-нибудь... — Он осекся и прикрыл рот рукой, словно не давая выскользнуть словам, которые сам не хотел слышать.

— Звери, — повторил отец Пита, будто его запрограммировали давать этот ответ всякий раз, как его спрашивали.

Доктор перевел взгляд с подростка на отца.

— Только если в этом штате звери умеют обращаться с ножом, Джек.

Пит взглянул на отца, чтобы увидеть, как тот отреагирует. Он не отреагировал или умело скрыл свои чувства. В тусклом сером свете из окна в коридоре Пит увидел на лице старика лишь тени.

— Нет, — сказал Веллман. — Никакие это не звери. Бедняжку страшно порезали. И били. У нее сотрясение, множественные переломы и треснувшие ребра. Тот, кто напал на нее с ножом, выколол ей глаз и отхватил несколько пальцев на ногах и руках. Если бы это были звери, Джек, раны были бы рваные. Нет, — казалось, он не верит, что это возможно, или не хочет верить, но других объяснений не было. — Кто-то очень хотел, чтобы она умерла, и умерла медленно, — он покачал головой и коснулся дрожащими пальцами маленького серебряного распятия на шее. Затем вздохнул и отступил от мальчика. — Уже позвонили шерифу?

Пит покачал головой:

— Сюда торопились, пока не стало поздно.

— Что ж, это правильно, но теперь лучше вызвать Хэла. Он должен знать, что у него по округе разгуливает сумасшедший и режет женщин, — доктор двинулся в глубину дома, но Джек встал и положил ему руку на плечо. Веллман оглянулся на нее так, словно на него с потолка упал экзотический паук.

С болью на лице отец Пита наклонился к доктору и тихо сказал:

— Нельзя. Если только не хочешь привечать новых ночных гостей.

Озадаченный, Веллман медленно отстранился от Джека.

— Ты знаешь то, чего не знаю я?

Джек облизал губы и медленно кивнул:

— Да, а тебе лучше и не знать, — взгляд отца, в котором Пит с удивлением обнаружил страх, опустился к полу. — Раз говоришь, что девчонка выживет, мы с Питом сделали что могли, и нам пора вертеть домой.

Веллман изучил лицо Джека.

— Что происходит?

— Забудь, док. Богом прошу. Это самое лучшее.

— Ни черта, Джек. Девушку будут разыскивать, а я не знаю, с чего начать. Это работа для шерифа, а как он поможет, если ничего не знает? — Он бросил взгляд на Пита и изменился в лице. — А вы с этим никак не связаны, ребята?

Пита будто ударили под дых:

— Да вы чего, док! Мы ее так и нашли, чесслово. Лежала на дороге, плевала кровью. Небось, не приехал мы, она бы уже кому под колеса попала или поджарилась на солнце. Мы с батей ее загрузили и тут же сюда, правда?

— Правда, — сказал Джек, не сводя глаз с пола, словно разглядывал что-то чрезвычайно интересное. — Это не наших рук дело.

— Но ты знаешь, чьих?

Джек помолчал, затем поднял голову и опустил тяжелый взгляд на сына:

— Дуй в пикап.

— Но я хочу...

— *Живо.*

Пит знал, что спорить бесполезно. Он уже получал отцовскую трепку и за меньшее. Но, прежде чем подчиниться, спросил Веллмана:

— А можно опосля вернуться и ее повидать?

— Если твой папа не против.

— Посмотрим, — сказал Джек.

Пит знал, что это означает «нет».

Отец отступил, чтобы мальчик мог уйти.

— Спасибо, что подлатали ее, — сказал Пит доктору.

Старик кивнул.

— Без вас, ребята, я ничего бы не сделал. Я бы сказал, что вы спасли ей жизнь.

— Расскажите ей, кто ее привез?

— Обязательно, сынок.

Подросток неохотно подчинился отцу. Он прошел между двумя мужчинами в невидимом облаке их смешавшихся запахов: пота, табака и дезинфицирующего средства. На пути к двери помедлил, притворившись, что засмотрелся на полупустые комнаты докторского дома, надеясь подслушать, что такого знал его отец. Но они молчали, очевидно понимая, что он еще рядом. Раздосадованный загадкой, Пит открыл дверь и вышел под дождь.

* * *

— Ты сам знаешь, что я обязан сообщить, Джек.

— Знаю.

— Тогда придумай причину получше, почему я не должен этого делать.

Джеку было страшно. В последние несколько часов его предал здравый смысл, а все потому, что с ним в пикапе ехал сын. Если бы Пит остался дома, он бы подчинился чертову благоразумию и проехал бы мимо, увидев девчонку на дороге. Конечно, потом его замучила бы совесть, но на этот случай есть виски, и прибегал он к нему не в первый раз. За шестьдесят один год тяжелой жизни он неплохо наловчился замечать неприятности под коврик и притаптывать, чтобы потом проходить мимо, а не разглядывать. Но он знал, что мальчик так просто этого не оставит. Глупый еще, не понимал, что между добром и злом простирается широкая серая область, особенно когда речь идет о собственном здоровье. Еще не узнал о чудовищах, которые питаются самаритянами.

Джек заметил девушку раньше Пита, но молчал, даже пытался как-нибудь отвлечь мальчишку, чтобы и он ее проглядел. Сказал, что надвигается буря, судя по виду туч над холмами слева. Надо было понимать, что мальчик смекнет. Он редко говорил сыну больше пары слов без необходимости — так и не научился с ним общаться за все эти годы. И тем более, не заводил праздные разговоры о погоде, так что, вместо того, чтобы смотреть в окно на тучи, а не на девушку, Пит нахмурился и посмотрел на отца. А потом проследил за взглядом до свернувшегося калачиком силуэта на обочине. Даже тогда, несмотря на то что Пит схватил Джека за руку и показал на несчастную, тот подумывал просто нажать на газ и рассказать подростку то, о чем он сейчас рассказывал доктору:

— Просто... беда будет, док.

— Какая еще беда?

Джек искал слова, чтобы объяснить все, не объяснив ничего, но в голове скакали мысли и закипала паника. Нужно успокоиться. Он пригладил волосы и умоляюще посмотрел на Веллмана.

— Есть выпить?

Доктор кивнул.

— Идем на кухню.

В натужном свете умирающего дня Пит изучал бурые пятна на пальцах, затем выставил их под дождь. Как странно — ее кровь на его коже, что-то личное, чем бы она с ним не поделилась, будь на то ее воля. Он узнал тайну, в которую ее еще не посвятили, получил то, о чем она не знала, что лишилась. Когда руки намокли, он вымыл их и вытер о джинсы. Ему вдруг стало грустно — будто из-за неуважения, будто для него ее кровь значила не больше, чем грязь, которую не терпится смыть. Но у него и язык не повернулся бы такое сказать. Болтаясь у двери доктора Веллмана, все еще надеясь подслушать разговор, который заглушали рокот далекого грома и шелест дождя, Пит мечтал оказаться внутри. Не рядом со взрослыми и их перешептываниями, а в комнате девушки, чтобы, когда она проснется, рядом была хоть одна живая душа. Ему была ненавистна мысль оставить ее в одиночестве — как ранее она наверняка чувствовала себя, когда над ней надругался нападавший. Одинокая, беспомощная, потерянная. От этих мыслей сердце обливалось кровью.

Выйдя из-под крыши крыльца, Пит сощурился из-за дождя и пригляделся к пикапу. Тот смотрел в ответ слепыми фарами у хромированной решетки, которая давно не блестела.

Пит сунул руки в карманы. *Ты ее даже не знаешь.* Он выдохнул через нос. Подумал, сколько еще ждать отца: он неразговорчивый человек, так что, наверное, недолго — решил Пит. Хотя, судя по его виду в коридоре — такой погруженный в себя, — ему было что рассказать.

Он бросил взгляд налево, на два окна на фасаде докторского дома. Окно комнаты девушки должно быть где-то в конце.

Оставь ее в покое.

Зная, что он наверняка совершает ошибку, которая принесет немало боли и проблем, Пит все же пригнулся и пошел от пикапа к углу дома.

* * *

Они сидели лицом друг к другу за маленьким квадратным столиком, который некогда украшала кружевная скатерть, а теперь он стоял голым и расцарапанным. Со смерти жены Веллман не видел смысла в том, чтобы каждодневные вещи радовали глаз, — раз единственное, что радовало его душу, закопали в холодной, безучастной земле. Он предложил Джеку бутылку скотча и наблюдал, как тот наливает себе полстакана.

— Ты знаешь, кто с ней это сделал? — Он взял возвращенную бутылку, но, наполняя свою кружку, не сводил глаз с лица Джека.

— Точно — нет, — ответил гость, прежде чем одним глотком едва не опустошил стакан. — То есть... я их *за руку не ловил*, ниче подобного, но...

— Рассказывай, — заторопил Веллман, когда ему показалось, что Джек запутался в собственных мыслях.

По окну стучали капли дождя. Из-за лампочки в стеклянном абажуре с узором из цветов — единственная уступка декору, потому что доктор не знал, как его снять, не разбив, — тени были длинными и расплывшимися. Еще не ночь, но темнота наплывала — будто Джек Лоуэлл с сыном привезли ее за собой.

— Помнишь, несколько лет назад в наших местах ребята пропали?

Веллман кивнул:

— Туристы. Парни и их девушки. Помню.

— Ага. Значит, помнишь, какая шумиха тогда поднялась. Ребята были из богатых. Как родители прознали, что в последний раз их видали в Элквуде, примчались сюда с целой армией, взяли шерифа за шкуру. Газетчики и все прочие.

— Было дело.

— А я их видал, — он сложил руки на стакане. Под ногтями грязь, кончики пальцев соприкасались.

Веллман откинулся на спинку.

— Когда?

— Как раз тогда их подвез. Увидал на дороге в духоту, употели все. Жалко стало, хотя никто в своем уме на такую жару гулять не сунется. Ну и предложил им залазить ко мне. Довез до самого универмага, хотя он был закрыт. Предлагал и дальше отвезти. Не захотели. Услыхал, как один ляпнул, мол, от пикапа навозом тащит. Другой сказал что-то, мол, будто я прямиком из «Избавления», — знать бы еще, о чем это они.

— Фильм, — объяснил Веллман. — Про деревенщин, которые охотятся на городских.

Джек ненадолго задумался, затем по его лицу пробежала улыбка.

— Ну да. В общем, там их и оставил, а потом они пропали.

— Значит, ты не видел, что случилось?

— Нет, но я живу всего в тридцати километрах от магазина. Единственное жилье от него до меня — меррилловское. В лесу, за речкой, — заметив непонимающее выражение на лице доктора, он объяснил: — Они в городе гости редкие. Живут на отшибе. Держат свалку. Охотятся. Братья, насколько я знаю. Слыхал, у них еще сестра была, но, кто знает, может, и слухи. В городе я встречал только их старика, и скажу тебе как есть — страшный человек. Как глянет на тебя... будто в самую душу заглядывает, что ли... мысли читает... — Он замаялся и допил стакан.

Веллман долил еще.

— Думаешь, они имеют отношение к этим ребятам?

— Думаю.

— Но... почему? Они могли пропасть где угодно. Вдруг в тот же день проходили мимо твоей фермы, а ты не заметил.

Джек приподнял стакан, качнул им в благодарность и сделал глоток. Пошлепал губами и подавил отрыжку.

— Спустя пару недель я звякнул шерифу, как услышал, что их родные визнают в городе, что да как. Рассказал, что бродило на душе, хоть у меня другого повода для таких мыслей, кроме дурного чувства всякий раз, как мимо их мест проедешь, нет. Ну, Маккиндри пришел, сказал, что пойдет к ним и потолкует. Узнает, что Мерриллы видали.

— И что они видели?

— Не знаю. Он у них так и не был или прикинулся, что не был. Но на другую ночь после того, как я позвонил рассказать, что знаю, или думал, что знаю, я проснулся со здоровым ржавым ножом от газонокосилки у глотки, и держал его самолично старый Меррилл, — Джек допил и поставил стакан перед доктором. Тот без промедления наполнил его вновь и придвинул назад.

— Вот те крест — уж думал, саму Смерть увидал. Стоит во всем черном: плаш

длинный, шляпа в каких священники ходят, — он поднял руку и описал одним пальцем круг перед лицом. — Здоровая такая. Лица не разглядеть. А уж высоченный... Ну так мне почудилось, хотя кто не покажется высоченным, когда торчит над тобой в лунном свете с ножом у горла, да?

— Да, — согласился Веллман и отметил, что у собеседника задрожали руки.

— Он мне grit — в жисть не забуду, — grit: «Не хочу, мол, губить доброго богобоязненного человека, хоть ты и ниггер поганый с длинным языком, но я его тебе вмиг обкорнаю, если еще раз услышу, что ты чернишь мою семью». Сказал, они с мальчиками никогда ничего плохого не делали, только защищали свою семью, и делать не будут. Сказал, что они уважают наши границы, а мы должны уважить их.

Джек сглотнул, его глаза затуманились от воспоминаний. Затем присосался к виски, которое, судя по эффекту, было для него как вода.

— Уж не знаю, что на меня нашло, а только я вскочил, наплевав на тесак у горла, и велел ему проваливать из моего дома ко всем чертям. Он аж отшатнулся, затем поднял руку, как у пугала, и показал на дверь спальни. Смотрю — а там стоит пацаненок и держит за руку Пита, который в то время сам был еще совсем прыщ. Весь заспанный, в одних панталонах, не понимает, что творится и кто его держит за руку. А я не мог объяснить — слова сказать не мог, потому как этот пацаненок, меррилловский, в другой руке держал охотничий нож и смотрел на меня с таким видом, будто умеет им пользоваться и ему *оченно* не терпится это показать.

— Господи... — сказал Веллман и снял очки, чтобы провести рукой по лицу. — Господи.

— Меррилл спрашивает, поняли мы друг друга или как, — Джек медленно покачал головой и допил. — Я сказал, что все понятно, и он ушел. По дороге встрепал моему малому волосы, будто дальний дядюшка в гости заглянул. Я потом неделями спать не мог. Сидел с ружьем, а кровать Пита передвинул в гостиную, чтоб всегда на виду была.

— Ты объяснил мальчику, что случилось?

— Сказал, что это сон. Какой толк еще пуще пугать?

— Нельзя такое спускать с рук, сам знаешь. Никому такое нельзя спускать с рук. В наше-то время.

Джек поднял глаза от стакана.

— Я никому не рассказывал то, что сейчас рассказал тебе, док. Да и тебе рассказываю тока затем, что ты спрашивал, почему я прошу не звонить шерифу. Даже если позвонишь, он тебе скажет, что сходит проверит, а сам не пойдет, потому что, видать, боится не меньше моего. Мож, они и к нему заходили вечерком на огонек, сказали то же, что и мне. Зато если *они* прознают — следующим навестят *тебя*. Теперь уразумел?

Веллман медленно кивнул. Он не знал, насколько можно верить рассказу Джека. Он слышал какой-то безумный бред, но, в конце концов, разве он сам не столкнулся с самым страшным в мире безумием и отчаянием три года назад, когда его вызвали оперировать Алису Найлс, пятнадцатилетнюю девочку, которая пыталась выжечь из себя ребенка горелкой, поверив, будто носит отродье Сатаны? Эту жуткую мысль вбила ей в голову собственная мать, Линн, когда узнала, что отцом ребенка был ее же муж.

От рассказа Джека волосы встали дыбом — даже хуже, чем от мысли, что, не откажи он перепуганной Алисе Найлс в помощи с абортom, она бы не решилась сама взяться за горелку. Теперь волосы встали дыбом из-за мысли, которая пришла ему в голову и которую он боялся

озвучить, не зная, стоит ли еще больше пугать Джека. Если, конечно, эта мысль уже не посетила и его.

А если они тебя видели, Джек? Если они видели, как ты забрал девушку?

* * *

Она спала — но ее сон не был мирным. Даже за шипевшим вокруг дождем и поднявшимся ветром Пит слышал низкие гортанные стоны. Одна рука лежала на лбу, другая судорожно вздрагивала каждые несколько минут. Доктор Веллман промыл раны и перевязал глаз — вернее, пустую глазницу, и положил пакеты со льдом на щеки, чтобы снять опухлость. Сейчас она выглядела лучше, но ненамного. Она все еще была голая — это он видел по очертаниям, по приподнятой ткани на сосках, при виде которых что-то внутри него зашевелилось. Но одеяло она натянула до самого носа, словно ей было холодно. На тумбочке у кровати лежали заляпанные кровью тряпки, тампоны, изогнутая металлическая миска с темно-красной водой. Рядом на разложенном белом полотенце с кровавыми пятнами поблескивали разные стальные инструменты, как сверкающие буквы в окружении жирных алых точек.

Пока Пит наблюдал, охваченный внезапным желанием вернуться в дом и принести ей еще одеяло, она медленно повернула голову в его сторону, будто следила во сне за полетом птицы, и он едва не спрятался за подоконником из страха, что она очнется и увидит, как он подглядывает, словно какой-то извращенец. Но он замер на миг, потом выпрямился, прижавшись лицом к стеклу.

Кто ты такая? думал он, слегка улыбаясь и наклонив голову, чтобы не мешали ручейки дождя, бегущие по окну. *Откуда взялась?* Он прижал пальцы к стеклу, мечтая, чтобы под ними оказалась ее кожа, что будет бесконечно теплее. Он закрыл глаза, смущенный тягой к человеку, которого он даже не знал, и не в первый раз упрекнул себя за глупость. Но неуверенности противилось разлившееся в нем тепло. Она проснется, и ей понадобится друг — это главное. А если ему запретят ее навещать, он будет приходить украдкой. Он уже так делал с Валери, хотя она не узнала, что он за ней наблюдал время от времени, словно ангел-хранитель. Если подумать, это, пожалуй, к лучшему. Она все равно его не любила.

Пит задался вопросом, что изменится в этот раз.

Дождь колотил по стеклу и колот затылок, будто сама природа укоряла его за неразумные мысли, и он открыл глаза. Передернув плечами из-за холода, сбегавшего по шее, он оглянулся, не появился ли на пороге его отец или доктор Веллман.

Все чисто.

Гром прогремел так, словно по лестнице покатались пустые бочонки.

Пит повернулся к окну, увидел, что девушка проснулась и смотрит на него, и раскрыл рот.

Спустя долю секунды он с удивлением заметил, что девушка сделала то же самое.

А потом закричала.

— За ней приедут, сам понимаешь. Кто-нибудь да приедет. Если не копы, то семья, а если каким-то чудом никто не приедет, она сама рано или поздно очнется и попросится домой.

Джек кивнул в знак понимания и вытер слезы с глаз.

— Да знаю я. Когда оправится, посади ее на автобус. Пусть едет домой, и всего делов. Хотя не годится держать ее у себя дольше нужного. Лучше скорее отвези в больницу. Завтра же утром. Скажешь, нашел на дороге и подлатал, как сумел. Они сами вызовут копов и что-нибудь сообразят.

Веллман допил из чашки.

— А не думаешь, что след приведет сюда?

— Что с того? Мы ничего не знаем.

— Я знаю, Джек, а врать я не умею.

— Ты будешь знать только, что нашел ее на дороге. Полуправда лучше правды, а? А девушка попадет в хорошие руки.

— А что потом? Думаешь, они не приедут все разведать? И я — лишь доктор, не хирург. Могу ее подлатать, но не более.

Джек схватился руками за голову и сжал, словно надеясь подавить досаду.

— Ну выбрось ее где-нибудь. Свези в Мейсон-Сити, оставь у...

Они вдруг подскочили от пронзительного крика. Джек выбросил правую руку и опрокинул стакан. Тот покатился к краю стола, но он вовремя его поймал, затем в отчаянии уставился на доктора, который выпрямился и проглотил комок в горле.

Охваченный паникой, с истрепанными нервами, Веллман спросил:

— *Почему?* Почему ты привез ее ко мне?

Джек тупо смотрел. У него не было ответа — только невысказанные извинения за то, что он их всех подставил.

Бледнея и дрожа, Веллман поспешил по коридору.

Спустя миг Джек быстро и тихо встал, направился к двери.

* * *

Лицо в окне скрылось. Неважно. Пусть она их не видела — Клэр знала, что они рядом. Чувствовала их удушающую вонь — немые тела, кровь и машинное масло. Она закричала и не прекращала кричать. Ведь несмотря на то, что они ей говорили, нежно нашептывали на ушко, пока их зловонное дыхание щекотало кожу, *кто-нибудь* придет. *Кто-нибудь* услышит.

Бросив испуганный взгляд на окно, за которым теперь не было ничего, кроме дождя, она почувствовала вспышку паники и боли, вспомнив, как ее привязали к шесту, вспомнив, как они надругались над ней по очереди, как рвали на части, пытаясь добраться до чего-то внутри, того единственного, что, несмотря на все попытки, осталось нетронутым.

Ее души.

Тут же ребра словно сжались, легкие оборвали воздух, необходимый для крика, и он заглох, стал задохнувшимся хрипом, который забрал все силы. В ее конечности вгрызалась

жгучая боль, словно, несмотря на тепло, лежавшее на ней как невидимый любовник, она страдала от обморожения. Тело металось помимо ее воли; зубы стучали так, что в висках сверкала молния свежей, чистой, прозрачной боли. В правом глазу, которым она ничего не видела, вновь загорелся тлеющий уголек, и она опять пыталась закричать, а ее руки — *раненые забинтованные кровоточащие* — взлетели к пылающему эпицентру мучений и не нашли ни крови, ни ран — только мягкую, слегка влажную марлю. Она заплакала и почувствовала, как сознание ускользает, затем снова возвращается — будто она качалась на качелях. Медленно, словно огни в ночи, на ее теле вспыхивали новые очаги боли, тянулись к поверхности кожи языками огня. Она изогнула спину, открыла рот, но крик, хоть она его по-прежнему слышала, застрял в горле. Кожу словно облили кипятком.

В ней плясало безумие, предлагая избавиться от невыносимого страдания в его объятиях, но она захрипела под невидимыми кулаками боли и попыталась прислушаться.

В любую минуту, сказал ей успокаивающий бархатистый голос. В любую минуту они вернутся — с ножами, веревками и своими грязными штуками между ног, и сделают то, что сделали с... с...

Она закрыла глаза, открыла вновь. В одном — тьма, в другом — свет. Комната словно скакала и дрожала всякий раз, как она пыталась сосредоточиться. Барабнящий по окну дождь хотел ее отвлечь, заставить поверить, что это грязный палец одного из *них*, но она не смотрела, даже не думала. С болью стало невозможно бороться, но это было неважно — боль значила, что она еще жива, а раз она еще жива — значит, с ней не сделали то, что, как она видела, сделали с другими — ее друзьями. Она не понимала, почему они еще не покончили с ней, никак не могла...

А потом поняла.

Это она им не позволила.

Она сбежала, инстинкт выживания взял управление на себя, затуманил мысли, сузив до одного-единственного внутреннего вопля первобытного самосохранения.

Ослабленная веревка обжигала запястья. Туповатая простодушная улыбочка ее похитителя, пока он дрожащими руками стягивал штаны. Клэр, выгибающая спину от шеста, расставляющая ноги, подставляющаяся, наблюдая, как его взгляд опускается к натертым губам внизу. Давай, иди сюда, грязный ушлепок. Пальцы искали, их кончики колола острая щепка из покосившейся поленицы позади и слева от нее. Тянулась, всхлипывала, хватала... Иди сюда. Покачивала бедрами, несмотря на боль, на унижение, наблюдала за его восторгом, когда он приближался, как выскакивает из шорт тупоносый член с поблескивающей головкой. Иди сюда... Воспоминание о друзьях, о том, что с ними сделали, охватившее ее черное пламя, боль, надрыв, ужас... гнев. Давай! И вот он перед ней, льбится, тянется лапами к ее груди, а ее руки вдруг освободились, веревка упала на пол. Его открытый рот, глаза, неохотно покидающие тело, морщины на лбу из-за осознания, что значила рваная змея веревки на полу, затем стон, гортанный, когда она схватила деревяшку, размахнулась и...

Она сбежала от них только во сне, а теперь проснулась, — ведь она не знала, где находилась, и не хотела здесь находиться. Она лежала в кровати — лежи она на земле, она бы еще поняла. Но даже простыни там, где она не заляпала их кровью, были чистые. Комната — опрятная, не считая места, где лежали инструменты и ножи.

Ножи.

Сморщившись, зашипев сквозь зубы от боли, она приподнялась на локте, и боль, словно

бочка с камнями, упавшая набок, прокатилась по ней, улеглась в одном ее боку, сделав тяжелее руку, на которую она опиралась. Она часто и болезненно задыхалась — свет расплывался в глазах, — затем медленно-медленно открыла глаз полностью, изо всех сил стараясь сосредоточиться на маленьком металлическом подносе у кровати.

Ножи. Множество, некоторые еще в ее крови. Инструменты, которыми ее подлечили, зашили, чтобы снова разорвать.

Она попыталась улыбнуться, но губы напоминали тугую резину, так что взамен она усмехнулась, и боль почти заглушило мгновенно прилившее тепло в груди при мысли, что она сделает с этим ножом, — скальпелем, узнала она.

В любую минуту...

Да, в любую минуту они ворвутся, эти грязные злобные ублюдки, но плевать, какие они быстрые или сильные, — больше она им не достанется.

Второго шанса убить ее у них не будет.

Потому что она это делает сама.

У комнаты девушки Веллман услышал, как хлопнула передняя дверь. Джек ушел, и это к лучшему. Его история потрясла Веллмана, грозила лишить всякой решимости, подтолкнуть к искушению просто провезти девушку на десять миль по дороге и где-нибудь оставить, чтобы избежать того, что может вызвать ее присутствие в доме. Но он не собирался этого делать — стыдно было от одних мыслей. Как только девушка будет в состоянии двигаться, он посадит ее в машину и отвезет в Мейсон-Сити, в одну из больниц. И как только ее примут, тут же позвонит в полицию. Девушку нужно опознать, сообщить семье, где ее искать, чтобы они могли начать долгое, мучительное и тяжелое восстановление своих жизней. Он знал, на что это похоже. Хлебнул горя сам. Да и до сих пор расхлебывает, так что он им не завидовал.

Не знал он только, что будет, когда вернется домой после того, как поступит правильно. Встретит ли его на пороге клан Мерриллов? Просто потребуют рассказать, куда он отвез девушку, или и так будут знать, выпытав информацию у Джека? Но, если они действительно несут ответственность за то, что случилось с девушкой, разве они не будут больше заняты переездом в ожидании федерального розыска?

Сейчас он об этом думать не мог. Он стар, ему страшно, ужас лишних размышлений может поглотить его целиком. Все, что он знал, — когда-то он видел, как женщина, которую он любил и до сих пор любит, умирала в этой самой комнате и не спаслась, несмотря на все его усилия облегчить страдания. В ночь, когда отказался помочь Алисе Найлс, Веллман молился о ее прощении, но она тоже умерла. Теперь он не будет стоять в стороне, когда гибнет очередной человек, если в его силах это предотвратить.

Крик оборвался.

Он помедлил у двери, прислушиваясь. Тишина после крика казалась бездонной, тревожной. Спустя мгновение он мягко взялся за ручку двери и приоткрыл ее.

— Мисс? — спросил он тихо, как посыльный, который боится потревожить постояльца, — не такое уж натянутое сравнение, подумал он, если учесть, что, пока она не решила, умрет или выживет, он обязан ей прислуживать.

Он вошел в комнату.

Она очнулась.

Над одеялом блеснула сталь.

Ее тело содрогнулось, и он увидел скальпель в ее руке, заметил свежую кровь на простыне.

Он бросился к ней, дождь брызнул в окно.

Она взглянула на него, слегка нахмурилась — лицо того же оттенка, что подушка под перевязанной головой.

— Меня зовут доктор Веллман, — сказал он, стараясь не выдавать волнения, присаживаясь у кровати и схватив ее за запястье. С облегчением увидел, что ей хватило сил только на поверхностный надрез, но и он был скверный. — Я вам помогаю. Вы тяжело ранены, — быстрый осмотр второго запястья обнаружил более глубокую рану.

Большая часть крови натекла как раз из нее. Все еще глядя на ее сонное озадаченное лицо, он на ощупь отыскал ручку ящика в тумбочке, выдвинул, покопался внутри в поисках бинтов и начал разматывать их из рулона. Пока он перевязывал раны, на ее лице мелькнула боль.

— Я умерла? — спросила она шепотом.

— С вами все будет в порядке, — ответил он, пытаясь изобразить улыбку.

— Не надо. Не трогайте меня.

Она пыталась бороться, но ослабла, как ребенок, так что сдержать ее, не причиняя дальнейшего дискомфорта, было несложно. Спустя пару мгновений силы оставили ее окончательно.

— Тише, — успокоил Веллман. — Я врач. Я не причиню вам вреда. Я хочу помочь.

— Они здесь?

— Кто?

— Эти люди. Они сняли кожу с рук Дэнни. И с лица. Стянули, как хеллоуинскую маску, — у нее перехватило дыхание. Лицо скорчилось в гримасе, из открытого глаза покатила слеза. — Они меня мучили. Моих друзей больше нет. Всё мертво. Заканчивайте скорее.

Улыбка сошла с его лица.

— Милая, я не из них. Послушай-ка меня, — он нежно погладил ее по волосам. — Я твой друг.

— Все мои друзья умерли.

— Сколько вас было?

Она не ответила. Через какое-то время показалось, что она уснула, но вдруг она прошептала:

— Я должна умереть. Иначе они меня убьют, а я им не позволю. — Ее веко затрепетало.

Веллман не паниковал. Она не умрет. Он это знал. Пульс хоть и слабый, но постоянный. Дыхание пришло в норму, зрачок больше не был расширенным. Потеря сознания, пожалуй, стала для нее единственным спасением от ужаса и боли, и он позволил ей им воспользоваться. Пока она спала, он перевязал запястья и ввел дозу морфина в надежде, что это успокоит ее сны и облегчит боль хотя бы ненадолго. Затем отнес поднос с инструментами к дальней стене, пододвинул кресло ближе к кровати и прислушался к усиливающемуся ветру, что ярился заглушить ее мирное дыхание.

Он подождет, когда остановится кровотечение, прежде чем снова зашить раны.

До этого будет молиться.

А когда закончит, посадит девушку в машину и отвезет в Мейсон-Сити.

«Мы вернем тебя домой», — пообещал он.

В ее комнате царила тьма.

Люк стоял в дверях, сжав кулаки, чтобы она не видела, как дрожат его руки, потому что знал: темнота ей не помеха. В комнате пахло потом и телесными выделениями, но он не обращал внимания. Для него это были духи матери, обычно они успокаивали.

Но не этим вечером.

Теперь он мечтал о запахе жареного мяса и керосина, древесного дыма и пузырящегося жира, который наполнит воздух на улице, как только его братья сожгут тела. В этом ритуале он участвовал так долго, что перестал его ценить. Но теперь он тосковал о нем — лучше втягивать носом эту резкую смесь ароматов, чем запахи дерьма, мочи и рвоты, висевшие в убогой комнатенке, которую она называла своей.

С широкой кровати, задвинутой в дальний от окна угол, где тьма была совсем непроглядной, донесся звук ее движения, легкий — наверное, подняла голову, чтобы взглянуть на него, всмотреться в сумрак. Пружины не скрипели, а всхлипывали.

— Мам?

— Мальчик мой, — ответила она своим булькающим голосом, словно вечно полоскала рот.

— Мам, я...

— Поди ко мне.

Он притворился, что не расслышал, потому что у двери было безопаснее, а из-за этого, в свою очередь, почувствовал себя виноватым, потому что знал: если не сдвинется с места, она не поднимется и не подойдет к нему сама. Не могла. Больше двух лет она не покидала свою кровать, ни разу. При свете дня, когда тучи скрывали солнце, а мухи облепляли окно, было трудно понять, где кончается Мама и начинается кровать. Сплошь темнота, с бледными сгустками там и тут.

Эта кровать, как и женщина в ней, господствовали в комнате. Седой Папа говорил им тем же благоговейным тоном, с каким начинал каждый вечер молитву перед ужином, что Мама — святая, великомученица, которая еще не оставила бранный мир. *Жилы, пружины, плоть и жир*, повторял он им, как строчку из давно забытого детского стишка. Мамы больше нет, говорил он, — той, которую они помнят. Теперь она стала массой гноящихся пролежней, приросшей к матрасу местами, где заросли старые раны и затвердели рваная кожа и гной, словно образовав вторую кожу на ткани и пружинах. Матрас, некогда упругий и мягкий, под ее весом сплюснулся в тонкий и промятый пополам блин, вонючий, сырой и заляпанный жидкостями, которые годами стекали с тучного тела. Мальчики по очереди мыли ее и обрабатывали раны, ухаживали за ней, выгребали огромные количества фекалий, которые накапливались между огромных бедер, затем слегка, вяло промокали оставшееся пятно и оставляли ее преть в остатках собственных отходов.

Она бесконечно жаловалась, разговаривала сама с собой днями и ночами, иногда едва ли не шепотом напевала грустные песенки, а молчала, только когда ей приносили еду.

От просевшей гнутой кровати прокатились волны вони. Он давно перестал ей предлагать проветрить комнату. Он даже не знал, открываются ли еще окна. По затуманившимся стеклам полз какой-то мерзкий бурый налет, словно от горки дохлых мух поднимались души, и забивался в трещины, как клей.

Но боже, как же он ее любил, несмотря на страх, который она в него вселяла, и несмотря на все, что она сделала, чтобы он раскаялся в своих грехах. Он любил ее больше самой жизни, а про себя верил, что любил ее сильнее всех — сильнее, чем его братья, — хотя вслух об этом не говорил. Также он верил, что был любимчиком и для нее, как бы она ни испытывала эту веру, подвергая его страданиям.

— Ты слышишь, мальчик мой? — сказала она, и он облизал губы, почувствовав шероховатость языка из-за недостатка влажности, а когда втянул его, ощутил гадкий привкус, словно забрал в рот что-то из воздуха.

— Слышу, Мама, — сказал он и сделал несколько шажков к кровати. Половицы под его ботинками скрипели и выдыхали миниатюрные грибы пыли. *Откеда пыль*, думал он, глядя на развеивающиеся облачка. *Пол исходили вдоль и поперек*. Так и было, но эта спальня, знал он, прямо как кружевная, но тяжелая черная паутина, свисающая, словно ловец снов, в каждом углу комнаты, цепко держалась за каждую частичку кожи, что падала или поднималась с тела Мама, а затем ждала темноты, чтобы выложить их сложными узорами и убедить мир, что время течет быстрее, чем кажется, поторапливая Маму к смерти. Убеждая ее, что она забыта. А это, конечно, был главный страх Мама. Что ее бросят. Что однажды она проснется и обнаружит, что осталась одна в пустом доме, услышит только эхо собственного голоса, который беспрепятственно и безответно возвращается к ней. Услышит собственные панические крики, что просачиваются в лес и теряются среди деревьев, где их уловят уши оленей, белок, соек и койотов, которые учуют ее панику и проследят до источника. Затем, как она рассказывала сыновьям тысячу раз, койоты сожрут ее и разбросают косточки по всей земле, чтобы ее дух никогда не нашел покоя.

— Сядь, — приказала она, и он присмотрелся к кровати, чтобы, подчинившись, не прищемить складку плоти, свисающую с ее руки.

Он сел, и кровать даже не прогнулась, но от поднявшейся от влажного матраса и тела вони заслезилась глаза. Когда к Лежачей Мама приходили Аарон и остальные, они надевали на нижнюю половину лица бандану, но Люк отказывался выражать такое неуважение и не понимал, почему это сходит с рук им.

Во мраке Люк мог разглядеть лишь ее глаза — маленькие темные кружки в рыхлом лице, почти не отличимом от подушки.

— Девчонка убегла, Мама. Одурачила Мэтта и прикончила. А потом высвободилась. Я не думал, что она далеко уйдет, так мы ее покромсали, а она взяла и ушла. Доползла до дороги, и ее подобрала.

Тишина была такая глубокая, что Люк, осторожно зависший на жестком металлическом краю кровати, боялся, что сорвется в нее и пропадет. Затем Мама запела — низкое урчание, в котором не было ничего мелодичного и которое пробрало до мозга костей. В песне, как он понял, была всего пара нот, но то, как она пела, напоминало пожарную машину, проносающую мимо, — так сирена менялась, становилась ниже и ниже по мере удаления. Он проглотил комок, в горле щелкнуло. Словно по сигналу Мама тут же перестала петь.

— Ее подобрала, — повторила она. Затем: — Не забыл, что случилось с твоей писькой, сынок?

Он почувствовал, как краснеет, и порадовался, что она этого не видит, но в то же время не мог не опустить голову и не напрячь плечи от напоминания о том ужасном дне, который он изо всех сил старался забыть, но никогда не забудет — пока видит обрубок, появляющийся из штанов всякий раз, когда ему надо помочиться.

— Не.

— Не забыл, почему?

И снова он кивнул, но чувствовал, как сжалось горло.

— Расскажи, — он вздрогнул, когда ее рука, размером почти с папину шляпу, но белая, как свежесвыпавший снег, нашла его колено. Спустя миг он почувствовал, как сырость влажной кожи просачивается сквозь джинсы. — Расскажи бедной мамочке, как все было.

— Был... — начал он, затем осекся, когда липкие пальцы сжались на колене крепче. — Был мой тринадцатый день рождения. Вы закатали целый праздник, с тортом, шариками и ленточками. Ты все украсила, Папа был дома. Помню, он тогда даже шляпу сымал.

— Правильно, — прошептала Мама, потерявшись в воспоминаниях, которые, очевидно, доставляли ей удовольствие. — Дальше.

— В вечер мы с Аароном катались в лесу. Сюзанна сидела сзади на моем жеребце, держалась за меня что есть мочи. Мы мчали все быстрее и быстрее, и тут раз — начали вперегонки, мы с Аароном. Неслись как ветер, и Сюзанна визжала, но по-хорошему, как бы с радости.

— Она любила лошадок и вас любила, верно, Люк?

— Да, Мам.

— Расскажи, как она тебя любила.

До этого момента воспоминание было светлым. Насколько Люк помнил, это был лучший день в его жизни. Сквозь листья светило солнце, запекая красную глину, так что она становилась ноздреватой и разлеталась из-под конских копыт. В воздухе разливалось тепло, лица охлаждал пот, когда они неслись через лес, хохотали и вопили вовсю, как ненормальные, пока во лбы врезались жуки, а в волосах застревали листья. Он помнил руки Сюзанны, теплые и скользкие, на своем животе, ее мягкие груди на спине, когда он повернул к ручью и ниже по берегу. И конь — машина, а не зверь, шестеренки, поршни и гидравлика под черным брезентом, с текуче переливающимися мышцами, — не остановился, когда мягкая почва сменилась камнем и водой. Летел вперед, опустив голову, фыркнув, когда детей окатили холодные брызги. Люк никогда в жизни так не радовался, и он наслаждался выражением лица Аарона, который ехал на кобыле в нескольких шагах позади. Его брат весь покраснелся от попыток не отставать, глаза широко распахнулись от страха из-за головокружительной скорости и возбуждения, что они осмелились так мчаться.

— Мы выехали на луг, — сказал Люк приглушенно. Его ноздри резко наполнила вонь смерти и хвори, защекотала горло. Он едва не содрогнулся в рвотном позыве, но удержался и отвернулся, украдкой втягивая воздух, который был ненамного свежее. Если его стошнит, он будет не лучше своих братьев с их оскорбительными банданами. Так что он дышал коротко и часто, прочистил горло, сплюнул горькую слюну на пол и продолжил: — Лужок у ручья Лоуэлл, где Папа промышлял кроликов, когда они еще были.

— Летом там просто загляденье, — сказала его Мать.

— Было такое.

— Было? — спросила она с деланным удивлением. — Больше нет?

— Мы там чуток передохнули, — сказал он, сложив руки и втайне попрекая себя за неблагодарную мысль, которая вдруг пришла в голову.

Ему захотелось, всего на секунду, чтобы мать сняла руку с колена. Ее тяжесть была холодной, неприятной. Словно промокая его кожу, она в то же время высасывала из него силы. Он чувствовал, как они уходят.

— Мы там, это, передохнули, — повторил он, пытаясь собраться с мыслями. — Поигрались пару часов, пока солнце вниз не пошло. Аарон заскучал. Захотел домой, а Аарон — ну знаешь, не по душе ему, когда скучно. Задиристый становится. Вот и начал дразниться на Сюзанну, когда она сказала, что не хочет домой, обзывать на нее, палками тыкать. Даже нашел дохлого опоссума с кишками наружу и бросился в нее. Тут он палку и перегнул. У бедной Сьюзи в волосах запутались кишки, на платье — личинки, она как рехнулась. Гнала Аарона чуть не до самого дома и дальше, — он улыбнулся, слегка. Улыбка тут же погасла, когда Мама подвинулась в кровати, а ее темные глаза блеснули в лунном свете, как жуки.

— Он остался дома, а я на ручье. Залез на камень, никуда не торопился — не в свой же день рождения, который был самый лучший в жизни. Лошади остались со мной, тоже довольные, паслись себе в тенишке, пока солнце садилось. Я, мож, даже закемарил.

— А где была Сюзанна?

Лежачая Мама уже знала ответ. Она слышала эту историю тысячу раз, но не уставала от нее. Она понукала его, в нетерпении ожидая важной части — когда все пошло не так.

— Где-то в лесу, — угрюмо ответил Люк. — Я думал, она ушла домой, когда ей надоело гонять Аарона.

— Но она не ушла.

— Нет.

— Где она была?

— Там, со мной, но я это понял, только когда она вышла из лесу и окликнула меня.

— У твоей сестрицы были такие красивые платья, да, Люк?

— Да, Мам.

— Многие я шила сама. В каком она была в тот день, Люк? Я позабыла.

— Розовенькое.

— Ничего-то ты не забываешь. А что на ней было, когда она вышла из лесу и окликнула тебя?

Люк ответил тихо:

— Ниче.

— Не слышу.

— Ниче, Мама. На ней ниче не было.

— Небось ты удивился.

— Удивился.

— Как-как?

— Удивился, Мама. Я не понял, зачем она разделась. Решил, мож, она купалась в ручье, как обычно, отмывалась от опоссумовских кишок, а Аарон упер ее одежду, — а то она вся была мокрая.

— Продолжай... — поторапливала Мама.

— Я спросил, чего это она без одежды, а она, мол, больно жарко, платье ей все перепачкали, вот и пошла купаться. Я грю, если ее кто так увидит, беда будет. Она грит, никого тут нету, а потом подходит ко мне и давай расстегивать ремень. Я сказал ей прекращать, что она с ума сошла, а она не прекратила. Сорвала с меня все, пока не добралась до... — Тут он снова проглотил слова, вставшие комком в горле.

— До чего?

— До письки, Мам. Она взяла ее в рот, а я ниче не мог поделать.

— Мог, но не хотел. Твоя распутная сестра приняла тебя в рот, а тебе и понравилось,

верно?

Люк кивнул. Сказать по правде — и он никогда этого не отрицал, потому что был не способен на ложь, — ему понравилось, и понравилось *очень*, несмотря на то что он понимал: они с сестрой, которая была старше, хотя и всего на год, занимались чем-то противоестественным, хуже того — богохульным. Но он оказался не в силах остановить странное, пугающее, но неудержимое течение ощущений, которое вызвали ее губы, когда она начала сосать. Казалось, она высасывает все плохое: страхи, переживания и боль, — которые он носил в душе с тех пор, как узнал все о мире, в котором появился на свет. И когда он пролил семя, ему показалось, что в его яйцах будто взорвался динамит, который разорвет его на кровавые клочки. Он лежал, тяжело дыша, пока невероятное, ужасающее ощущение сходило на нет, а член обмякал. Затем он уставился с открытым ртом, как сестра поднялась, сплюнула и отправилась к ручью. Вскоре он последовал за ней, намереваясь спросить, что произошло и почему. Он был уязвлен, немного зол, но больше сбит с толку, и произошедшее будто похитило краски из мира, омрачив его тайной, которую нужно решить. Он увидел, что Сюзанна моется в прохладной чистой воде, спиной к нему, с мокрыми волосами, но не успел он задать свой жгучий вопрос, как она заговорила первой:

— Я люблю тебя, Люк, — сказала она мягко, грустно. — И я уйду. Знаю, ты со мной не пойдешь, не можешь, — но я должна, должна выбраться. Мне здесь не место. Для таких, как я, есть целый огромный мир. А твой — здесь, с Мамой и Папой. Я хотела поцеловать тебя в губы, но решила, что сохраню поцелуй для мужа. А это... Лорейн Чедвик рассказала мне в школе, как видала, что ее мать делает это со своим хахалем и ему чертовски нравилось. Сказала, это тайный поцелуй, так что у нас с тобой теперь своя тайна, — она пожала плечами, набрала воду в ладони и промыла рот, будто только что съела жука. — Наверно, мне было интересно, да и... ну, может, я и не знала, что полезет какая-то сопля... но мне не жалко... У тебя же день рождения, а я тебя люблю, Люк. Может, даже так сильно, чтобы целовать в губы, но я уже сказала, что хочу сохранить что-то для мужа.

— Семя инцеста — молоко дьявола, — сказала Мать. — И оно отравляет все. — Теперь игривый тон был забыт, на его место пришли горечь и стыд. — Твой Папа стоял недалече и видал, как вы согрешили. Повезло, что он не убил вас обоих на месте. Может, и надо было.

Люку было нечего ответить. Если бы Сюзанна не согрешила с ним в тот день, у него до сих пор осталась бы кожа на члене, а сестра, может быть, по-прежнему жила бы с ними. Конечно, долгое время он достойно терпел наказание, лелея надежду, что она спаслась, была на пути к новой, лучшей жизни, где ее никто не найдет. Представлял, как вырастет и отыщет ее, — а может, и не будет дожидаться взросления. Может, однажды его охватит та же страсть к странствиям и уверенность, что Там жизнь лучше, и он отправится по тому же пути, в конце которого будет ждать сестра. Он знал, что ему все равно, даже если она окажется замужем. Он не хотел ее в жены. Он любил ее как сестру, как лучшего друга в жизни. И всегда завидовал тому, как сильно она отличается от всей семьи. Она была независимой, целеустремленной и непокорной — черты, которыми Люк восхищался, но не смел перенять.

— Расскажи, что с ней стало, Люк.

Два года он думал, что Сюзанна ушла. Эта мысль радовала и укрепляла в самые мрачные времена, которых было немало. Он фантазировал, как она теперь выглядит, бедная или богатая, все еще на юге или где-то еще. Ему снился ее голос, он ждал, когда она напишет ему о своих приключениях в подробностях.

Однажды летом он нашел ее старый синий чемодан, наполовину закопанный на пустыре

за акром кукурузы. Тот самый, что был у нее под мышкой, пока босые ноги несли ее по грязной тропинке вдаль от дома, к городу и таинственным неизведанным краям за ним. В чемодане хранились ее жалкие пожитки: два платья, пара носков с дырками на пятках, две пары нижнего белья, холодный сэндвич с ростбифом, завернутый в вощеную бумагу, маленький кусочек сыра, блокнот с коротким карандашиком и маленький розовый кошелек с латунной застежкой, в котором хранились десять долларов для начала новой жизни.

Все это лежало в чемодане, когда он выдернул его из темно-красной земли спустя годы. Еще внутри нашлись маленький желтый гребень, ржавый перочинный ножик, кукла с трещиной на лице и разложившаяся голова Сюзанны.

— Расскажи о записке.

Кто-то засунул свернутую страничку из блокнота в правую глазницу его сестры. Дрожащими руками, ничего не различая из-за блестящей пелены слез, с застрявшим в ноющем горле всхлипом Люк вытянул бумажку и отвернулся от останков сестры, чтобы прочитать.

— Две строчки из книги Левит, — сказал он Матери загробным голосом.

— Помнишь их?

Их он никогда не забудет. Они отпечатались в его мозгу — веха на границе участка памяти, в который он редко отваживался заходить.

— «Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу. Я ГОСПОДЬ». — Он сделал вдох, медленно выдохнул: — «Наготы сестры твоей, дочери отца твоего или дочери матери твоей, родившейся в доме или вне дома, не открывай наготы их».

— Аминь, — сказала Мать безмятежно и — он слышал по голосу — с улыбкой. — Это было его послание тебе, сынок.

Это она говорила уже не раз, и он до сих пор не понимал, кого она имеет в виду — отца или Бога. В то время — а годы лишь укрепили его в этом мнении — он счел послание предупреждением. Уроком, предназначенным запугать, задавить в зачатке любое бунтарство, которое могло бессознательно родиться в нем после бегства сестры. Он вспомнил тоску, муки — почему-то бесконечно тяжелее, чем в тот день, когда Седой Папа привязал его к стулу в маминой комнате и взялся за его член с бритвой. Тогда боль была нестерпимая, но совсем другая. На том поле под паром, где он обнаружил последнюю остановку сестры, он сидел с прогнившей головой Сюзанны в руках, пока ветер уносил обрывки странички прочь, и чувствовал себя так, будто ее смерть втолкнула его в новый мир — кошмарное место, где никому нельзя доверять, а земля в любой миг может поглотить и тебя, и твои мечты. А если не земля, до тебя доберутся койоты или придет с ножом Папа и снимет с твоей души грех, а с твоего черепа — скальп.

— Почему я спрашиваю тебя об этом сегодня? — спросила Мама.

Люк пожал плечами, помрачнев от воспоминаний о сестре.

— Потому что ты отравил сестру, — ответила она за него. — И за это ей пришлось расплатиться. Люк, неужель ты не понимаешь: отпусти мы ее, ее бы совратили Люди Мира, наполнили бы своим поганым ядом и тут же сослали бы назад, и через нее развратили бы нас, сгубили бы нас, — ее рука оставила колено и нашла его пальцы, обволокла теплую кожу прохладным сырым коконом плоти. — Мы последний из старых кланов, мальчик мой. Мы держимся вместе. Мы охотимся и убиваем Людей Мира. Мы поедаем их плоть, чтоб они не пожрали нас. На том стоим и не даемся их искусам свернуть на грешные дорожки. Мы

защищаем друг друга во имя Господа *Всемогущего* и наказываем вторженцев, губим тех, кто хочет погубить нас. Мы *любимы*, Люк, а когда свет является тем, кто не верит, они должны принять его либо погибнуть. Всю жизнь ты это понимал.

Сегодня ты поддался лени и глупости. Дал одной из *них* сбежать. Ты отсосал ее яд, причастил, показал свет, а теперь она снова Там, со светом в глазах и нашей верой в руках. Однажды ее пошлют назад, Люк, и тогда будет слишком поздно. Она придет не одна, и мы не переживем наступления легионов. Нас убьют, а косточки разбросают по земле, чтоб наши духи не нашли покоя. Наш труд окончится зряшно. Нас с тобой и всю нашу родню ввергнут во тьму, вне милости Божьей.

Люк боялся. Он верил ей, знал, что она не соврет. И он знал, что если девчонка — Клэр — вернется с остальными, с Людьюми Мира, это будет конец. И виноват будет только он.

— Что мне делать, Мама?

— Поговори с Папой. Он знает городских. Знает, чья это машина. Отыщите их — отыщите девчонку. А отыщите — вырви ее сердце и принеси мне. Остальное предайте огню. Мы разделим ее мясо и спасемся от Чистилища. Но время терять нельзя. Ступай немедленно.

Люк встал. Но хватка Мама не ослабла. Она притянула его ближе. Запах ошеломлял, и он закрыл рот, надеясь, что она не услышит, как он давится.

— Найди ее — не то мы возьмем обрубок твоей письки и слопаем с кашей на завтрак, понял?

Он кивнул и не дышал, пока она не отпустила. Затем развернулся и направился к двери. Стоило взяться за влажную и клейкую ручку, как его вновь остановил ее голос.

— Приберегите кожу, — потребовала она.

— Что, Мама?

— Моего мальчика. Моего Мэттью. Скажи братьям съесть что хотят, взять все, что им нужно, но кожу приберегите для меня. Грядет зима, мне нужно согреться.

Хотя Люку было трудно представить, чтобы мать мерзла под столькими складками собственной скользкой гниющей кожи, он ответил: «Да, Мама» — и вышел под дождь, к дыму и аромату жареного мяса.

Молитвы не будет. Рано. Лежачая Мама ясно дала понять, что такой роскоши, как время на благодарность, у них нет — когда на горизонте уже собирается сам Ад. Он провел с ней будто целые часы — долгая медленная прогулка по топким водам черного времени. Из-за этого внутреннего ощущения, что они потеряли больше времени, чем могли себе позволить, усилилась тревога. Каждая минута означала, что расстояние между ним и их добычей все больше, а между ним и тем, что сделает Лежачая Мама, если девочку не вернуть, — все меньше.

Сойдя с порога в сумерки, Люк наклонил голову. Огонь изливал красновато-желтый свет, пламя шипело под дождем и бросало тени на лица его братьев, которые смотрели на него, хотя он не ответил им взглядом, отправившись к дровянику. И все же ему было трудно пропускать мимо ушей шлепанье губ, щелканье зубов, жадное чавканье, отрывающееся с костей мясо и довольное бормотание, пока они сидели вокруг тлеющего трупа их брата. Еще труднее было устоять перед запахом, который донес до него ветерок, прежде чем сдуть в сторону леса, где звери с темными глазами замрут и поднимут головы, заинтересовавшись, но не настолько, чтобы проследить запах до источника. Даже плотоядные хищники, что рыскали в ранних сумерках за деревьями, — и среди них койоты, которых так страшилась Лежачая Мама, — знали, что хутора в лесу лучше избегать. Немногие собраты возвращались оттуда, поэтому их любопытство быстро угасало и они продолжали свой путь.

Люк проголодался, пустой желудок ныл от голода, и ему не терпелось вместе со всеми впиться зубами в мясо, насладиться и вкусом, и ощущением перетекающей в его тело силы мертвого брата, прокрадывающихся в разум невысказанных мыслей Мэтта, грез, чаяний, хотя бы и примитивных. Но тело потерпит, сказал он себе, вздыхая и чувствуя, как поношенные ботинки утопают в сырой земле. Он понимал важность стоящей перед ним задачи. Если они снова потерпят неудачу, если девочка уже нашла дорогу в убежище, где они не смогут ее достать, бояться придется не только властей. Лежачая Мама его запугивала, но это была формальность, ненастоящая угроза. Если девочка не вернется, то, что она сделает с ним, а то и со всеми, будет страшнее, чем освежевать его пистолетом ржавым ножом. Она любила его, а он любил ее, но это не спасет его жизнь, если он все не исправит, — как не спасло Сюзанну, когда она ослушалась родителей.

Сжав зубы, чтобы подавить чувства, которые всегда прокрадывались и занимали разум, стоило вспомнить погибшую сестру, Люк поднялся на небольшой пригорок, где голая земля сужалась до тропинки, бежавшей по заросшей полянке. Дровяник был узкий, старый, солнце выбелило доски так, что он стал рябым — белый с пятнами серого. В быстро угасающем свете сарай казался больным лепрой, с желтым свечением по краям. Дверь внизу выгибалась, словно зачитанная страница, и, когда он подходил, этот кривой угол царапнул землю и дверь широко распахнулась с грохотом камней, покотившихся по полой трубе.

Люк замер как вкопанный.

Хотя Седой Папа не был высоким, он выглядел довольно внушительно. При свете дня его кожа была того же цвета, что и раскрывшаяся перед ним дверь. В городе его уважали, но уважение это рождалось из страха. Дома, среди родных, ситуация мало отличалась. Сейчас, в сумраке, под угловатым перевернутым треугольником лица и подбородком, припорошенным серебряной щетиной, на Папе был грязный коричневый фартук, который Люк сшил ему сам

из кожи одного из тех, кого они поймали прошлым летом. Синяя нейлоновая веревка, продетая в отверстия верхних углов фартука, укрепленные стальными шайбами, чтобы веревка не прорезала кожу, поддерживала грубый прямоугольник и, в данном случае, помогала скрывать наготу хозяина.

Угрюмый, Папа поднял правую руку. В ней была голова одного из подростков, которого девчонка называла Стью, что немало позабавило семью: скорее всего, им он и станет^[1]. Его светлые волосы, хотя теперь и замаранные грязью, еще сохраняли здоровый вид, который смерть отняла у тела. Красивое загорелое лицо, которому Люк слегка завидовал, уже было не таким красивым, обмякло от боли, которая предшествовала смерти. Глаза были закрыты, бледные брови изогнуты, а толстогубый рот слегка приоткрыт, словно силился произнести что-то, что так и останется невысказанным. Седой Папа редко халтурно обращался с телами и в этот раз не отошел от своего обычая. Мачете разрезало шею парня ровно, из раны не торчали ни кость, ни мясо.

— Парень, — проскрипел Папа, — кто забрал девчонку?

Люк не мог ответить на его взгляд, так что уставился в землю.

— Приехал большой красный пикап и увез ее с дороги. Два ниггера — старый и молодой. Уехали с ней. На восток.

За спиной отца Люк заметил голое тело парня, распростертое на верстаке в сарае под единственной голой лампочкой. Рук и ног у него уже не было, грудь вскрыта и раздвинута, органы лежали грудой в ржавом ведре на полу. Пока Люк приглядывался, Папа застал его врасплох и кинул в его сторону отрубленную голову. Люк растерялся, и голова ударилась в грудь, оттолкнув на шаг. Охнув, он запнулся, уперся в землю, быстро восстановил равновесие и успел поймать голову за волосы своими кривыми пальцами за секунду до падения на землю, — зная, что его реакция не порадует отца.

Будто его что-то могло порадовать...

Тяжело выдохнув, Люк выпрямился и прижал голову к груди. Седой Папа кивнул, но не из-за удовлетворения, а скорее в подтверждение, что его презрение к Люку имело основания, и теперь его не переубедить.

— Бери, — сказал старик, вытирая заляпанную кровью руки о фартук. Казалось, что кожа ее впитала. — С собой возьмем. Остальным вели прихватить по куску этих ребят.

Хотя Люк не понял, зачем везти с собой части покойников, он знал, что обсуждать приказы отца себе дороже.

— Ладно, — сказал он и подождал.

— Вели Аарону подгонять грузовик, и про ножи не забудьте, — он посмотрел Люку за плечо. — Ступай.

Люк начал что-то говорить, но Папа повернулся к нему спиной и в два коротких шага вернулся в сарай. Дверь за ним захлопнулась.

Под дождем, бьющим по плечам, стоящего с отрезанной головой в руках Люка одолела обида на старика, который с того самого дня на лугу с Сюзанной не проявлял к нему ни заботы, ни уважения — ни капли. Хуже того, старый ублюдок ни разу не объяснил, почему сделал с его сестрой то, что сделал, почему не мог просто ее отпустить или хотя бы попытаться вразумить. Нет, поучения он предоставил Лежачей Маме и, как подозревал Люк втайне, она только придумывала оправдания, потому что сама не была уверена в правильности решения, что бы ни говорила о яде в семени. Ни один из родителей не скучал по Сюзанне.

Люк отвернулся и взглянул на полукруг тел, теснящихся у огня, — братья все еще за ужином; кожа Мэтта растянута, как звериная шкура, на старых побитых козлах между ними и четырьмя хлипкими сараями, где они занимались Людьюми Мира. Люк еще не передал приказ сохранить кожу для Мама. Они и сами все знали: скорее всего, один из них — или все вместе — подслушивал у окна, и они тут же принялись за работу. На короткий миг в нем разгорелось пламя, такое жаркое, что глаза заволокли слезы стыда и досады. Он представил, как они сгрудились под грязным стеклом, склонив головы, вслушиваясь в историю о хладнокровном убийстве, его участии и вынесенном ему предупреждении. Они слышали в его голосе страх, который проявлялся, только когда его ругали Мама или Папа. Они слышали все и поторопились лишить его единственного приказа, с помощью которого он мог вернуть авторитет среди них. А затем следили за ним — он чувствовал взгляды на спине так же верно, как дождь, — через дым и жар ужина, пока он направлялся к сараю Папы. И знали, что там он нашел еще меньше понимания — это подтвердило то, как отец неожиданно метнул ему голову: видимо, предполагал Люк, чтобы развлечь остальных, более преданных сыновей. Чуть ее не уронив, Люк дал им ровно то, что они хотели.

Подойдя к ним теперь, он натянул кривую ухмылку. Они с ожиданием подняли глаза, по их лицам были размазаны кровь и жир.

— Ты плакал? — спросил ровным голосом Аарон.

Люк покачал головой. *Не плакал*, хотелось ответить ему. *Тока вспоминал, как люто ненавижу этого проклятого дочереубийцу*. Но он бы никогда этого не сказал, как бы ни хотелось. Сказать это вслух — значит, приговорить себя. Ведь он не сомневался: стоит словам покинуть рот, как их услышит Папа и одним взмахом срубит и крамольные речи, и голову Люка с плеч. Братья по нему не заплачут, съедят его плоть без сомнений и быстро забудут, что он существовал, как уже, похоже, произошло с Сюзанной и теперь с Мэттом, их добрым братом, которого будут помнить только сегодня — и то пока его вкус держится на небе. Так что Люк глубоко вдохнул, взглянул, как Джошуа и Айзек с любопытством разглядывают голову в его руках, и передал указания отца.

Мальчики тут же взялись за дело, бросившись к сараям, возбужденные перспективой новой охоты так скоро, оставив Люка в одиночестве разглядывать пожеванные останки брата, пока дым ел глаза, а запах дразнил желудок.

Постороннему показалось бы, что он едва покачал головой — из сочувствия или сожаления.

Но это было не так.

Из злости и боли.

И из зависти.

* * *

— Бать?

Старик сидел в кресле у камина, опустил подбородок на грудь, будто задремал, но глаза были открыты и внимательно следили за дверью, одна рука лежала на ружье на коленях, вторая — на горлышке бутылки ржаного виски.

Пит, со все еще звенящим правым ухом от затрецины, которой его наградил отец, когда поймал за подглядыванием в окно раненой девушки, не знал — отправляться наверх, снова

извиниться или просто держать рот на замке. Но ему хотелось услышать батю, ведь с момента возвращения домой он не сказал ни слова. Само по себе это не было странным, но сегодняшнее молчание ощущалось иначе. Оно тревожило Пита и отдавалось в животе, пока его не замутило. Даже сверчки и лягушки-быки словно пели с меньшим воодушевлением, птицы казались усталыми и настороженными, будто желая предупредить старика и его сына о том, что на них надвигается, но не в силах найти песню, которую они бы поняли. Ночь тоже опустилась быстро, невидимое солнце утонуло за деревьями на краю участка, послав низкий холодный и ровный ветер, словно кольца по воде от брошенного в нее камня. Пит тихо подошел к столу и сел, сложив руки на поцарапанном дереве, среди остатков наспех состряпанного ужина из риса и кукурузы, который готовил Пит и которым, кажется, подкрепился только он. Отсюда ему было хорошо видно отца, чей резкий профиль подсвечивал мерцающий огонь. Но если на старика найдет припадок ярости, между ними окажется стол, который хотя бы ненадолго послужит защитой подростку.

— А бать?

Медленно — так медленно, что Пит представил: шея должна заскрипеть, точно несмазанная дверь, — отец повернулся и взглянул на него. Глаза напоминали затуманившееся стекло, за которым мерцало холодное пламя.

— Цыц, — сказал батя. — Слухай.

— Чего?

Отец вздохнул, но не ответил и снова сосредоточился на двери с таким усердием, что Пит поймал себя на том, что сам ее рассматривает, будто все эти годы что-то на ней не замечал. Может, слово или резьбу, хоть что-то, что объяснит пристальный взгляд Джека.

— Ты чего-то боишься? — спросил он, когда дверь надоела и он вернулся к напряженному, постаревшему лицу отца.

Он слабо его понимал, но только если речь не шла о настроении. Гнев, конечно, распознать проще, учитывая, что его часто сопровождали шум, брань, тяжелое дыхание и пара подзатыльников с размаха, — если его вызвал Пит, и пара пинков под зад, если нет. Печаль — сложнее, но за годы Пит научился определять и ее. Он думал, что батя так и не оправился после ухода Луизы, которую мальчик считал своей второй мамкой. Ему казалось, что здесь он может понять отца. Иногда по ночам, лежа в постели, Пит смотрел на звезды, незамаранные городскими огнями и блестящие, как осколки стекла на лунном свете, и перебирал в уме созвездия, вызывая в памяти ее образ рядом, когда она учила его названиям. Иногда он так погружался в фантазии, что почти чувствовал ее рядом, мог учуять запах, который всегда напоминал о весенних цветах и чистом белье, когда она сидела рядом на кровати, глядя его по голове, а вторую руку положив на его запястье. «Вон Кассиопея, — шептала она ему на ухо, — похожа на двойную U, правда? А вон Орион. А те три звезды — его пояс. Видишь в уголке одну красную?» Он кивал и ждал продолжения, которого не следовало, потому что она не осталась рядом, и тогда воображение сдавало и подростка затапливало одиночество, как холодная вода через пробоину в борту. Но ему остались сны, и во снах она его не покинула, продолжала готовить умопомрачительные блюда, напевать своим чудесным голосом и шутить над батей, который фыркал и ворчал, но только потому, что еле сдерживал улыбку.

Пит давно не видел, чтобы батя улыбался, и часто задавался вопросом, насколько в этом виноват он сам. Он знал, что глуповат и вряд ли найдет работу, которая поможет им с батей зажить на широкую ногу. Он не станет ни мэром, ни президентом, ни астронавтом, как ему

обещала вторая мамка. Она говорила, что он может стать кем захочет, как она однажды мечтала стать знаменитой певицей. Однако теперь он знал, что это неправда, батя тоже. Он даже так и сказал, когда пропилил несколько дней подряд и уже не замечал, что говорит и говорит ли вслух. «Мог бы человеком быть. Настоящим мужиком, а останешься простым фермером по колено в навозе и с соломой в голове, бушь стену подпираешь и ждешь счастья, да не дождешься. Ни ты, малой, и уж точно не я». Пит внимательно слушал отца и чувствовал боль, которую вызывали его слова, но сказал себе, что батя так говорит лишь из-за разочарования и злости. И еще потому, что проще оскорблять мальчика, чем собственное отражение в зеркале. Батя тоже хотел счастья, но как только вторая мама ушла, уехала в Детройт с мужчиной, которого Пит видел раз в жизни, и то случайно, старик перестал надеяться. Вообще все бросил. Женщина, которую он любил, оставила его с неродным сыном, умирающей фермой и долгими часами, чтобы сидеть, пить и думать, почему она от них отказалась.

— Пожалуй что, — сказал отец так тихо, что Питу пришлось прислушиваться, хотя даже тогда он не сразу вспомнил, на какой вопрос отвечал отец. Он погрузился в свои мысли, забыл об их разговоре и теперь спешно восстанавливал его в памяти. Вспомнил, как только старик поднял бутылку виски и изучил остатки.

Батя боялся, а так как в этом состоянии Пит его видел редко — если вообще видел, — оно сильнее распалило в нем беспокойство. Он встал, отодвинув стул ногой, и обошел стол, оказавшись у отца за спиной.

— Что случилось? — спросил он.

Старик опустил бутылку, но не сводил с нее глаз.

— Растил я тебя из рук вон плохо, — сказал он. — Да и старался из рук вон, если на то пошло. Мой батя тоже был не ахти какой человек, обращался со мной паршиво, хотя какое же это оправдание.

Такие речи отца напугали Пита больше, чем странное молчание и неожиданное ощущение, что стены вокруг сжались, но он все же пожал плечами и выдавил улыбку.

— Да че ты, батя. Кто умеет все делать, как надо?

Отец задумался.

— Пожалуй, твоя правда, но это не значит, что не надо стараться.

— А ты старался, — ответил Пит. — Смотрел за мной. Я ни в чем не нуждаюсь.

Губы отца исказила горькая усмешка.

— Тебе многое нужно, сынок. Где-то я ничего поделывать не могу. А где-то мог бы и помочь.

Пит нахмурился.

— Ну... еще ж не поздно, батя. У нас вся жизнь впереди.

После этого слабая улыбка испарилась с отцовского лица. Он бросил взгляд с бутылки на дверь, его глаза расширились.

— В том-то и беда, сынок. Кажется, больше нет.

* * *

Он обещал себе, что не будет пугать подростка, но после долгих размышлений и бутылки виски Джек осознал, что замолчать ничего не удастся. Если клан Мерриллов придет,

Питу лучше об этом знать, чтобы у него был шанс сбежать. Он поставил опустевшую бутылку между креслом и камином и положил руки на полированное ружейное ложе из ореха. Все эти годы он следил за оружием — лучше, чем за чем-либо еще, включая сына. Джек искренне жалел об этом и не кривил сейчас душой, говоря с подростком. Ему хотелось сказать намного больше, пока время не вышло, но, как он ни старался, слова не шли. Даже теперь, когда к их порогу мчатся адские гончие, он не мог сказать сыну, что любит его. Может быть, потому, что не любил.

Конечно, он заботился о Пите и постоянно о нем переживал, но годы разочарований, ненависти к себе и досады из-за ребенка, которого он втайне винил за то, что его оставили две женщины, которых он любил, не позволяли расцвести его чувствам в настоящую привязанность. На самом деле он никогда не хотел детей и отлично поживал без них, пока не встретил Аннабель, которая уже носила ребенка. Несмотря на это, он решил, что справится с ролью родителя, если воспитывать по большей части будет она. Но она умерла в тот же миг, когда свой первый вдох сделал мальчик. Почти пятнадцать лет он провел в жалости к себе и мыслях о том, чтобы его бросить, убеждая себя, что кто-нибудь его обязательно найдет и возьмет к себе. И к черту всех, кто потом посмотрит на Джека косо! Он не чудовище какое, и будет откровенной ложью сказать, что он не испытывал к малому никаких чувств. Но хоть на бумаге навсегда останется запись, что отец — Джек Лоуэлл, в глубине души он знал, что не приспособлен к этому. Однажды, знал он, мальчик проснется и окажется один. Джек сам не знал, как это переживет, но продолжать такую жизнь еще хуже.

Затем он заметил в городе Луизу Долтри, которой в первый день работы официанткой показывали «Забегаловку Джо». Не считая приبلудных путешественников или работников департамента лесного хозяйства, гости в Элквуде редкость, так что приезд миссис Долтри из самого Мобайла от распускающего руки мужа было у всех на устах целое лето. Но с момента, когда Джек увидел ее кожу цвета карамели, высокие скулы, зачесанные назад волосы и мягкие губы на лице, где горели золотисто-карие глаза, которые парализовывали его всякий раз, когда останавливались на его кабинке, он понял, что его никогда не будет заботить ее прошлое. Интересно только будущее, а именно — может ли случиться так, что она согласится разделить его с Джеком.

Он улыбнулся слегка и провел мозолистым пальцем по спусковой скобе ружья.

— Кто к нам придет, бать?

Мы как мошки в морилке, думал он, пытаясь выдавить ободряющую улыбку, которая была похожа скорее на гримасу боли. *Прямо как говорила твоя мама.*

Самый лучший день за все шестьдесят непримечательных лет его жизни начинался как самый худший. Он страдал от похмелья, голову словно набили ватой. Гадкий вкус во рту не заглушали ни зубная паста, ни кофе, ни даже завтрак из тоста, яичницы с беконом и кукурузной каши «У Джо». Не могло поднять настроение и присутствие Луизы в безупречной белой блузке и синих джинсах, прекрасной как никогда, с кожей, сияющей в том же утреннем свете, который резал его глаза через щели жалюзи на широком окне забегаловки. Прошлым вечером он поссорился с сыном и уже не помнил, из-за чего. Помнил только, что ударил его, и не раз, так что в этот день, пока его желудок скручивался от запахов жира и бекона на плите, а в мозгу колотилось виски, нутро терзала совесть.

— Кто-то вышел на пару раундов с бутылкой и проиграл, — сказала Луиза, застав его врасплох посреди жалости к себе. Он поднял глаза и обнаружил, что она сидит напротив, скрестив руки на столе, слегка наклонив голову и с улыбкой на губах.

Он кивнул и дал обычный формальный ответ, но когда заставил себя посмотреть на нее, его поразила не только ее красота, но и ощущение, что она видит его насквозь, заглядывает в темное бурное море его вины, словно оно было ей знакомо, потому что она сама не раз заплывала в эти воды.

— Хочешь об этом поговорить? — спросила она, и хотя он ее поблагодарил и покачал головой — *Говорун из меня так себе*, — она не ушла и не отвела от него взгляд своих невероятных глаз. Наконец и он начал рассказывать, сперва медленно, потом с легкостью, пока вся тьма не излилась из него потоком, который, боялся он, подхватит ее и унесет из его жизни навсегда.

— Так мальчик не твой? — спросила она, когда он закончил.

— Уже сидел в печке, когда я повстречал жену, — ответил он. — Она мне так и не сказала, кто отец. Да и к чему? Когда я появился, того и след простыл.

— А где она теперь?

— Умерла. Во время родов.

— Мне жаль.

— Да, мне тоже.

В тот день между Джеком и Луизой сломался барьер, о существовании которого он даже не подозревал. Это был не просто защитный пузырь, окружающий всех и каждого мужчину, каждую женщину, когда они общаются с людьми, доверять которым нет оснований. Ему показалось, что Луиза разглядела в нем что-то, о чем он сам не знал, что-то, что привлекло ее. Хотя, оглядываясь назад, возможно, лучше сказать — *подходило*.

— Бать, не молчи...

Какое-то время она его любила, они были счастливы, но раз сейчас он решил быть с собой честным до конца, должен признать, что с момента, когда она вошла в этот дом, в их жизнь, он знал, что она не задержится. Не потому, что она их не любила. Просто она была не домашним человеком. После одиннадцати лет жизни с мужчиной, который избивал ее до потери сознания всем, что под руку подвернется, всякий раз, когда она смела ему дерзить, Луиза не собиралась искать нового хозяина или привязываться к отношениям, которые так и ждут, чтобы испортиться. Сбежав от своего ублюдка, она обрела свободу. И хотя Джек с самого начала чувствовал, что ей не сидится на месте, знал, что она не останется, он позволил себе закрыть на реальность глаза, пока та спустя два года после переезда Луизы не дала ему под дых.

«Мы как мошки в морилке, Джек, — сказала она, когда он спустился и обнаружил ее у открытой двери с чемоданом и незнакомую машину на холостом ходу с высоким привлекательным черным за рулем, который ждал ее. — Если не открутить крышку, мы все рано или поздно задохнемся. Лучше освободиться, пока еще помним, как летать». Больше не сказав ни слова, она поцеловала его и вышла за порог, оставив вечно думать о том, что он должен был ответить, но не ответил.

Наконец он обернулся и посмотрел на подростка, который не был ему родным, которого он хотел бы полюбить, но не мог.

Затем опустил глаза на ружье.

Лучше освободиться, пока мы еще помним, как летать.

— Есть одно дело, сынок, — сказал он и медленно поднялся с кресла.

Пришла глубокая ночь, а с ней — длинные тени, которые неумолимо ползли к ферме Лоуэллов.

И среди них — клан Мерриллов.

Аарон остановил машину у подножия холма и заглушил двигатель, затем присоединился к отцу и Люку на долгой прямой дорожке наверх, где мрачно торчала ферма Лоуэллов. Близнецы остались в пикапе, вместе с завернутыми в целлофан частями тел, выглядывая в ночи признаки того, что старый фермер и его мальчишка хотят сбежать, или мерцающие огни, озаряющие подбрюшье туч на горизонте и предвещающие беду в том случае, если они уже опоздали.

Люк про себя произнес молитву, чтобы не опоздали.

Он осторожно вглядывался в открытые поля справа, где на мертвой земле ничего не росло, и прислушивался к шороху кукурузы на поле слева. Ее шипящий шепот казался голосами, но он давно наловчился отличать настоящие человеческие голоса.

Даже не пытаясь идти тихо, Седой Папа, теперь в сером плаще, напоминающем рясу, — который дети между собой считали одеянием проповедника, потому что однажды он им сказал, что считает себя вестником, несмотря на то что его не приняли в настоящий орден, — вел Люка и Аарона к двери, мерцающий свет за которой подтверждал, что дома кто-то есть, хотя пикап, который Люк видел ранее, на глаза не попадался. Его отсутствие беспокоило Люка. Где они, если не дома? У шерифа? Доктора? Люк метнул взгляд на нож, зажатый в правой руке отца, кончик рукоятки из слоновой кости которого казался бледным пятном в тусклом свете. В детстве он наблюдал, как отец затачивает этот изогнутый пятнадцатисантиметровый кинжал и поражался его качеству, но и боялся — не без причин. Несколько лет спустя именно с ним отец займется его гениталиями.

Седой Папа остановился у дверей, затем повернул голову и медленно подошел к окну.

— Он там? — спросил Аарон.

Отец близко придвинулся к пыльному стеклу, отбросив тень на сыновей. Нос мазнул по окну.

— Пап? — переспросил Аарон с нервным возбуждением в голосе, которое оказалось заразным. В воздухе между ними искрилось напряжение; от временного облегчения, которое принес дождь, не осталось и следа. Воздух был душистый и влажный, одежда липла к коже, а жара вызывала вспыльчивость.

Старик будто окоченел, его тень дрожала, словно ей не терпелось освободиться от напряжения, которое приковало ее хозяина к окну. Люк почувствовал, как внутри него все скручивается. Что-то не так. Даже если его подвело чутье, это подтверждала внезапная ярость, которую излучало тело отца. Что бы он там ни увидел, ему это не понравится.

Люк сглотнул. В доме пусто? Они опоздали?

Отец повернулся к нему. В тот же момент Аарон занял место Папы у окна. Резко вдохнул. Люк не слышал, чтобы он выдохнул.

— Что там? — спросил Люк. Теперь, когда Папа стоял спиной к окну, теплый свет струился вокруг него, а лицо оказалось в тени. И все же Люк чувствовал его взгляд на себе, холодные черные глаза, которые напоминали о взгляде Мамы из вонючей кровати в темноте. Если и были какие-то сомнения в чувствах Папы к нему, теперь их не осталось. В воздухе

между ними разлилась чистая, незамутненная ненависть, и Люк не удивился бы, если бы из тела старика вырвались щупальца, обвинили Люка, притянули и сожгли в огне презрения. Он не находил себе места под этим взглядом, но вот между ними проскочил Аарон, подошел тихо к двери, попробовал подергать ручку и открыл. Тьму прорезал новый свет.

— Пошлите, — сказал Аарон и исчез внутри.

Еще миг отец Люка буравил его бешеным, но по-прежнему невидящим взглядом. Затем шагнул ближе, окатил зловонным дыханием и поднял нож, коснувшись кончиком живота Люка. Когда тот попытался отступить, свободной рукой Папа схватился за его плечо.

— Можешь начинать молиться о спасении, — сказал отец, сверкая глазами — черными дырами. Он надавил на нож, пока тот не прорезал рубашку Люка и не зашекотал кожу. — Коли его не дождешься, почувствуешь этот нож у себя в заднице, когда я тебя вскрыю и дам твоим братьям поужинать еще горячими кишками. Все понял?

Нож проткнул кожу. От укола Люк невольно отшатнулся. На этот раз отец его не останавливал. Только выпрямился, убрал клинок в кожаные ножны на бедре под складками плаща и направился в дом.

Люк постоял с мгновение, глядя на открытую дверь, весь дрожа. Его внимание к рубашке привлек круг тепла — на животе нарастала капля крови.

Он убрал нож, думал Люк, пока мысли метались в голове. *Внутри никого.* В края его зрения ползла тьма — но не ночная. Она была подернута алым. Когда стало ясно, что внутрь его не позовут, он вошел в тепло дома сам, закрыв дверь. И тут же понял, что ошибался. Внутри кто-то был.

— Приглядись хорошенько, — хмыкнул Папа и отшагнул. Рядом с ним Аарон с бесстрастным лицом наблюдал за реакцией Люка.

Люк со стучащим сердцем осмотрел человека в кресле у камина. Это был фермер, Джек Лоуэлл, тот самый черный, который вместе с сыном положил девушку в кузов. Теперь от Лоуэлла не было никакой пользы. На полу лежала винтовка, глядя дулом на огонь. В комнате пахло порохом и опаленными волосами. Голова старика опустилась, словно он задремал, но из-за ее положения всем была видна зияющая дыра в затылке, через которую вышли пуля и мозги, окрасив стену и окно позади серым и красным. Кровь натекла вокруг кресла, промочила насквозь клетчатую рубашку старика.

На глазах у подавленного Люка Папа встал на корточки у кресла и окунул пальцы в лужицу на полу, поднес к носу, потер, словно проверяя консистенцию краски. Затем поднялся и взглянул на Аарона.

— Еще теплая, — сказал он. — Свеженький.

Люк почувствовал, как разрывается одновременно в двух направлениях. Одна его половина хотела выхватить нож и нашинковать покойника — наказание, которое фермер уже не почувствует, но которое утолит разочарование Люка. Другая половина хотела поджать хвост и бежать, спастись от отца и растущего чувства опасности, рискнуть забраться как можно дальше, прежде чем его настигнут. Ему не хотелось здесь оставаться, не хотелось думать, что с ним сделают, и все же страх пригвоздил к полу не хуже, чем нож Папы.

Он никуда не денется. Они ему не позволят. *Бог не позволит.*

Аарон убрал свой нож, его плечи опали от огорчения. Он поднял глаза на Папу.

— И че теперь?

Папа продолжал изучать кровь на кончиках пальцев.

— Люк сказал, был еще мальчишка, верно?

— Да, сэр.
— Найти.

* * *

В последние мучительные дни жизни Эбби Веллман муж принял решение убить ее. Он рассудил, что это все равно рано или поздно сделает рак, и куда менее милосердным образом, чем справится он с иглой и морфином. Как единственный врач на пятьдесят километров вокруг, став более-менее отшельником после того, как жену поразила болезнь, он сомневался, что кто-нибудь сочтет ее смерть подозрительной или станет искать конкретную причину, по которой она обрела вечный покой. Если в Элквуде и поднимались вопросы медицинского свойства, ответить на них мог только Веллман. Так что, если никто не решит привлечь чужаков, чтобы подтвердить его историю, ему ничто не помешает.

И все же он этого не сделал. Только смотрел, как страдает его любимая, зная, что это неправильно, и отчаянно желая ее спасти. Морфин он всегда давал в нужной дозировке, несмотря на то, что ее легко было увеличить. Он даже мог бы сказать самому себе, что просто не обратил внимания или стал невинной жертвой бунта подсознания, но ничего не помогало. С каждым новым днем он оставлял жену корчиться от боли, потому что не мог забрать ее жизнь.

— Как больно...

Теперь, глядя на избитую и покалеченную молодую девушку в той самой постели, где когда-то то же самое ему говорила жена, с тем же умоляющим взглядом, он задумался, не лучше ли проявить к ней то милосердие, на которое у него не хватило духу раньше. Если девушка умрет, будет не важно, придут Мерриллы, или нет. Если им захочется, он позволит забрать труп. Как только жизнь покинет ее тело, остальное будет не его делом. А когда она умрет, у них не будет причин убивать его, если он согласится помалкивать.

Он покачал головой и подоткнул девушке свежее одеяло. Он продезинфицировал ее раны, зашил, но не в его силах было предоставить уход, в котором она нуждалась. Проблема с глазом была очень серьезной, как и с отрезанными фалангами на пальцах рук и ног, но помочь он был в состоянии лишь тем, что прочистил раны и наложил давящие повязки и жгуты. Вероятно, если он не доставит ее вскоре в больницу, она умрет.

Но она была в сознании и, видимо, в ясном уме, хотя, учитывая пережитую травму, он не мог сказать, не реакция ли это на болеутоляющие. Наверняка он знал одно: девушка, которая смотрела на него, уже не та, что привезли Джек Лоуэлл и его мальчик. Она по-прежнему была бледна и оторвана от реальности, но зрачок вернулся к нормальному размеру, а дрожь заметно унялась.

Он медленно сел в кресло.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Больно, — ответила она тонким голоском ребенка, который поцарапал коленку. Из-за душераздирающей искренности Веллман не мог не спросить себя, не погрузилась ли она в безумие, чтобы защититься от страданий.

— Знаю, но мы о тебе позаботимся.

Она моргнула.

— Где я?

— У меня дома, в Элквуде.

— Элквуд?

— Алабама. Меня зовут доктор Веллман, — он добавил теплую улыбку, но подавил желание коснуться ее, каким бы отеческим жест ни задумывался. После пережитого физический контакт вне необходимых медицинских процедур может быть неуместен.

— Клэр, — сказала она. — Клэр Ламберт.

— Как ты здесь оказалась, Клэр? Не похоже, что ты из Алабамы.

— Огайо, — она поморщилась, когда в ней затрепетала боль. — Коламбус, Огайо.

— Далеко ты от дома.

— Знаю. Можете позвонить маме?

— Конечно, — сказал он, но засомневался, что это хорошая мысль. Если он позвонит, как знать, не бросится ли ее семья на ближайший рейс и не окажется ли здесь ровно в тот момент, когда клан Мерриллов решит нанести визит? Может, ему и неприятно от мысли, что придется отвезти Клэр в больницу и сбежать без объяснений, но подвергать всю ее семью опасности — не тот грех, который хочется иметь на совести. Впрочем, контактная информация поможет врачам в Грейсоне опознать ее, а дальше они разберутся сами. Это, в свою очередь, натолкнуло на мысль, что хотя шериф Маккиндрри может оказаться бесполезен, ему наверняка поможет полиция штата. Но успеют ли они добраться сюда, чтобы остановить волну насилия, которая, несомненно, надвигается? В конце концов он решил попробовать. Но все сразу он делать не мог, так что пока достал ручку и бумагу и записал адрес и телефон под диктовку девушки.

— Они хотели меня убить, — сказала она затем. — Они убили моих друзей.

— Кто? — он тут же пожалел о вопросе. Чем меньше он знает, тем лучше. Но как разыгрывать дурачка, когда его пациентом стала жертва пыток, и после ужасной истории, которую поведал Джек Лоуэлл? — Не важно, — добавил он. — Поговорим позже. Сейчас главное, чтобы ты выспалась и сосредоточилась на выздоровлении...

Он осекся. Снаружи дома раздался далекий рокот. Он приближался. Веллман смотрел, как в окно пролился ярко-белый свет, омыл потолок комнаты, сполз на стены, затем мазнул по ним к двери и исчез в углу. *Фары*. Шум прекратился. Он прислушался к шагам и тут же был вознагражден хрустом гравия под ботинками. По направлению к дому.

— Пока расслабься, — сказал он девушке, сам испугавшись дрожи в голосе. — Я скоро вернусь, — он попытался придумать, что бы еще добавить, но мозг отказался работать, мысли загуманила паника. Он поспешил из комнаты на кухню, к шкафчику, где хранил алкоголь, стаканы и старую жестяную коробку. Внутри коробки лежал пистолет, к которому он не притрагивался больше двадцати лет, — старый военный «Кольт» 45-го калибра, однажды зимой принесенный ему вместо денег ветераном, когда тот понял, что его диагноз смертельный. Оружие Веллману было не нужно, но выражение лица пациента сказало, что это не столько предложение, сколько последний приказ полковника в отставке, а потому следует подчиниться. Доктор принял подарок, убрал в старую картотеку и больше десяти лет держал в тайне от жены, пока не ушел на пенсию и не забыл, что пистолет остался в шкафчике, забитом медицинскими картами. К его удивлению, Эбби не потребовала от него избавиться, но попросила убрать куда-нибудь с глаз долой. С той самой поры, заперев пистолет в маленькой жестяной коробке, доктор забыл о нем, но теперь был вынужден вспомнить.

Пистолет казался тяжелее, чем помнилось, пока он проверял магазин, который держал

отдельно от оружия по настоянию Эбби. Ей не хотелось, чтобы однажды ночью коробка упала и наделала дырок в кухне — или в *них*. Он задвинул магазин с пятью патронами и взвел курок.

Шаги остановились.

Веллман посмотрел в сторону звука или, точнее, его полного отсутствия и задержал дыхание.

Кто-то постучал в дверь.

— Нет его тута, — сказал Аарон, и Люк почувствовал, что сердце уходит в пятки, хотя он пришел к такому же выводу почти сразу, как увидел покойника внизу.

— Погодь, мы еще в сарае не смотрели, — возразил он.

— Смотрел я, — ответил Аарон. — Костлявая кляча да пара хрюшек. Папа уже там, думает, надо ли потом за ними вертаться.

Они стояли в некогда большой спальне, где теперь не было ничего, кроме маленького столика в углу, на котором стояла красивая, но пыльная лампа без лампочки. Рядом высился гардероб. Оба мальчика решили, что это отличное место, чтобы спрятаться, но внутри обнаружили только поеденные молью рубашки и выцветшее платье. Окно выходило на двор и большой красный амбар, внутренности которого скрывались в тени. Люк пытался разглядеть статный силуэт отца, но видел лишь огоньки сигнализации. Больше смотреть было не на что.

Позади Аарон подбрасывал нож в воздух. Люк слышал шорох лезвия, рассекающего воздух при взлете, затем при падении, которое прерывала уверенная рука брата. Лучше бы он прекратил: звук действовал на нервы. Но тут он кое-что понял и обернулся — его тень лишила нож блеска.

— Папа сказал, что надо будет вертаться? — спросил он и увидел, как Аарон кивнул в мраке комнаты. — Зачем? Че счас-то их не забрать?

Аарон пожал плечами и сосредоточился на движении ножа.

— Папа грит, нам домой еще рано.

— И куда мы терь?

— Грит, девчонка была не жилец, совсем плохая, и раз ее тута нет, значит, ее повезли подлечиться.

Люк боялся спугнуть надежду.

— Старик доктор на окраине города.

— Ага, — ухмыльнулся Аарон.

Люк почувствовал, как его губ коснулась робкая улыбка.

Брат выхватил нож из воздуха, убрал в ножны и направился к двери. Проходя мимо Люка, бросил:

— Надеюсь, она тама.

— Я тоже, — согласился Люк.

— А ежели нет... ежели она в какой больнице — считай, ты труп.

* * *

Веллман был на пределе. Страх и адреналин совершенно его вымотали, сейчас ему хотелось только закрыть глаза и заснуть как мертвому. Прошло двадцать минут с тех пор, как он услышал стук и ощутил ужас, грозивший его прикончить — оставить на полу, схватившись за сердце, которое решит смилостивиться и остановиться, вознеся его подальше от кошмара, ждущего впереди.

Теперь, открыв дверь и медленно опустившись на ступеньки, в сырой и удушливой ночи,

он чувствовал себя тенью бывшего, печальным итогом наполовину прожитой жизни. Кости скрипели и болезненно стреляли, когда он усаживался на дерево, вытянув ноги, закопавшись каблуками в пыль и разбросанный гравий дорожки. В одной руке он держал бутылку, которую разделил с Джеком Лоуэллом, — а он, подозревал доктор, уже наверняка мертв или одной ногой в могиле. В другой руке была их маленькая фотография с Эбби: на тридцать лет моложе и с радужными улыбками, еще не знавшие о страдании и смерти, без морщин на лицах, с глазами, не ослепленными болью и осознанием, что у человека нет власти, нет права решать, как повернется судьба, нет реального выбора. Все предначертано — и это не так сильно пугало бы человечество, если бы ему открыли секрет, если бы было дано видеть мучительные проблески уготованного будущего. Но таких провидений не существует, поэтому человек пробирается на ощупь в темноте, надеясь избежать пропастей, в которые на его глазах сорвалось много сотоварищей.

«Кольт» казался холодным и жестким куском железа у спины; его удерживал пояс на три размера больше, чем носила на фотографии более молодая и счастливая версия доктора. Эта забытая молодежь, полная любви и в восторге от надежд, которые они собирались воплотить вместе, одной семьей, во веки вечные, аминь, улыбалась ему, пытаясь убедить, что счастье существует, и в то же время мучая истиной, что Веллману оно больше не уготовано.

В отдалении эхом разнесся шум мотора, отскакивая от холмов и перелетая от сосны к сосне, как сплетня между старухами.

В нем свернулся страх, но он уже устал бороться с его течением и предпочел сосредоточиться на улыбках очаровательной парочки и их черно-белом мире, будто если пожелать всем сердцем, можно вернуться в то время, назад.

На горизонте показался свет фар — двойная луна на полотне ночи. Машина быстро приближалась.

Веллман поднес открытую бутылку виски к губам, набрал полный рот, подержал, чтобы смыть вкус желчи, и проглотил. Затем медленно поднялся и сделал шаг вперед. Он следил за дыханием, регулировал его, пытаясь успокоить нервы. Затем потянулся за спину и вытащил рубашку из-за пояса, позволив ей накрыть пистолет. В левой руке у него была фотография, с мокрой от пота рамкой. *Дай мне сил, милая*, подумал он, поднеся фотографию к губам и поцеловав пыльное стекло.

Затем опустил.

Дай мне сил.

* * *

Голова Люка напоминала пчелиный улей. Бессвязные мысли и параноидальные подозрения металась по черепу, как окуренные трутни, защищающие матку. Ладони промокли, пот выступил на лбу; не первый раз в жизни он проклинал свою необразованность. Седой Папа забрал детей из подсобия школы в Элквуде, как только Мама слегла больная и получила новое имя, соответствующее новому постоянному обиталищу. В то время Люку было плевать, что он не вернется в низкие быстровозводимые ангары, где проходили уроки. Там слишком холодно зимой, слишком жарко летом, а другие дети относились к нему так, словно его забыл уехавший цирк. Однако с тех пор в его жизни были случаи и перемены, когда он жалел, что не продолжил учиться, хотя бы и дома, хотя бы и под

руководством Папы. Но Папа, несмотря на хитрость, сам не был таким уж умным. Он мог тысячью разных способов поставить капкан на оленя, лису или человека, но если речь заходила о числах или географии, он только щерился, плевался и скандалил, чтобы скрыть собственное невежество.

Люк мечтал о мозгах, особенно сейчас, не сомневаясь, что так ему было бы легче разобраться в мыслях, привести их в какой-то порядок, чтобы последовательно ознакомиться, изучить и понять. Чтобы спланировать побег.

Но теперь смекалке его не спасти. Окно возможностей захлопнулось десять минут назад, когда они оставили за спиной горящую ферму Лоуэллов. Папа освободил одинокую лошадь, но та не двинулась с места из темного денника, и он оставил ее там, рассудив, что, если она и сгорит по тупоумию, все равно от нее никакой пользы никому не было бы. И, судя по жилистому виду кобылы, даже если она образумится и убежит, много мяса они не потеряют. Свиньи — другое дело, Лоуэлл их откармливал. Впрочем, даже если бы не его старания, свиньи — такие находчивые твари, что скорее сожрали бы друг друга, чем померли с голодухи. Тощая свинья — такая же редкость, как яйца у пугала. С помощью Аарона и Люка Папа загнал их в угол и ловко перерезал глотки. Теперь они лежали в холщовых мешках и истекали кровью в кузове пикапа, который уже достиг подножия холма и круто повернул в сторону. Жилье доктора Веллмана — такое же старое, как ферма Лоуэллов, но не такое заброшенное, — встало перед ними в конце извилистой гравийной дорожки.

— Тама кто-то есть, — сказал Аарон без нужды, потому что все и так видели человека перед открытой дверью дома на фоне золотого света изнутри. В обеих руках он что-то держал. Один из предметов показался Люку тонкой книжкой. Второй ловил и искажал свет из дома, из-за чего казалось, что бутылка полна разъяренных мотыльков.

— Видать, драться удумал, — сказал Аарон, и Люк взглянул на него, заметив удовольствие на лице брата. Обычно он разделял его возбуждение при мысли о том, что произойдет, но не сегодня.

— Видать, помереть удумал, — пробормотал Папа, когда фары омыли старика, вынудив того прищуриться и поднять руку с бутылкой, закрываясь от света. Папа притормозил, но горящие фары не выключил. Потом заглушил двигатель и посидел немного, вглядываясь в доктора.

Люк чувствовал, как ревет сердце. Как соприкасается голыми локтями с локтями брата. Аарон тоже дрожал, но по другой причине.

В тесном пространстве между передними сиденьями и окном кабины гудели два электрических шара энергии — близнецы, от нетерпения которых пикап слегка раскачивался. Пальцы Джошуа вцепились в спинку сиденья Люка. Он слышал частое дыхание младшего брата у уха.

— И чего сидим? — спросил Аарон с легким раздражением.

Ночь вокруг была невероятно тиха.

Веллман стоял в резком свете фар.

— Обыскать дом, — наконец сказал Папа, все еще глядя на доктора, будто понимал по одному взгляду в его глаза больше, чем они.

Люк пошел вперед — слишком медленно с точки зрения Аарона — и не успел открыть дверь, как брат полез вперед него, уже вытащив нож. Доктор с тем же успехом мог быть деревянным индейцем, охраняющим вход в магазин с бесплатными сладостями, — так мало внимания на него обратил Аарон, помчавшись в дом.

— Вперед, — рывкнул Папа, и Люк вздрогнул, а потом подчинился.

Близнецы выскользнули сзади и последовали за ним.

Люк не торопился и слышал, как хлопнула дверца, когда Папа вышел из машины и встал рядом. Доктор взглянул, как мимо пробежали близнецы и исчезли внутри, загрохотав по деревянному полу. Затем воцарилась тишина. Люку она показалась топором, опускающимся на шею. Братья время даром не тратили. Если бы они нашли девочку, уже раздались бы крики и возгласы радости — их способ показать, что погоня окончена и все, включая жизнь Люка, спасено.

Но сейчас тишина, взявшая ночь за горло, заполнила дом. Единственным звуком было неровное дыхание Веллмана.

Папа не смотрел на Люка, когда они встали перед стариком, за что Люк был благодарен. Он больше не мог выносить, как его умирающую надежду поглощает холод в глазах отца.

— Где она? — спросил Папа и медленно извлек кустарный нож из-под одеяния проповедника.

Веллман дрожал и, пока они смотрели, медленно присел на корточки и положил на землю, как теперь понял Люк, вовсе не книгу, а фотографию. Затем выпрямился и швырнул бутылку в темноту.

— Подай сюда, — сказал Папа, коротко кивнув на фотографию. Люк сделал шаг, но Веллман выбросил вперед руку — ладонь оказалась в нескольких сантиметрах от груди мальчика. Люк поднял взгляд от расставленных пальцев на глаза доктора и прочитал в них не страх и не злость, но мольбу. Этот взгляд был ему хорошо знаком.

— Не надо, — тихо сказал Веллман. — Оставь в покое.

Из дома донесся грохот, будто на пол упало что-то тяжелое и разбилось, но Веллман не сводил глаз с Люка.

— Я сказал — *подай*, — приказал Папа, и Люк нагнулся за фотографией. Только он сомкнул пальцы на рамке, в костяшки впился гравий и он начал подниматься, как перед глазами появилось костлявое колено старика. Он успел увернуться, чтобы ему не сломали нос, но принял удар щекой, откатился и вскочил на ноги с пылающим лицом.

Старик тяжело дышал, наклонившись вперед и опустив голову, словно ждал возмездия. За очками его глаза горели холодным огнем.

Папа рассмеялся.

Люк, одной рукой массируя щеку, не видел ничего смешного в произошедшем. Их добыча всегда сопротивлялась, дралась, лягалась, царапалась и кусалась. Тут ничего нового. Но добыча всегда была молодой и сильной — нередко сильнее всех братьев, вместе взятых, так что, когда она сопротивлялась, это было приятным вызовом, нормальной частью процесса. Иногда они вспоминали об этом со смехом. Но сейчас перед ним стоял жалкий старикашка, который и сам того гляди развалится. С ним бы легко справились и близнецы, и все же он воспользовался рассеянностью Люка — как девочка своей сексуальностью против дурачка Мэтта. Но над этим Папа не смеялся. Нет, потому что это стоило Мэтту жизни, а он любил Мэтта. Зато он смеялся при виде того, как доктор двинул коленом в лицо Люка, потому что ему было все равно. Потому что он и *сам* собирался отнять жизнь Люка. Теперь все, что случится между нынешним моментом и моментом, когда он поднесет лезвие к горлу сына, в общем положении вещей ничего не значило. Если они найдут девочку, позаботятся о ней. Если она ускользнет, они соберутся и уедут. Но в любом случае Люк не покинет Элквуд. По крайней мере невредимым.

— Вы не заберете Эбби, — прорычал Веллман. — Не имеете права.

Люк перевел яростный взгляд с Папы на старика, чтобы оценить его заново. *Старый, слабый*, думал он, *и свихнулся напрочь*. С чего еще ему говорить о дурацкой старой фотографии так, будто они хотят украсть его жену? Насколько знал Люк, жена Веллмана давно в могиле, но доктора в эту тайну будто не посвятили. Либо он умудрился об этом забыть. *Свихнулся к чертовой бабушке*, подумал он. *Понятно, что Папе смешно*. Но Люк чувствовал, как в нем пускает корни обида, и не важно, оправданная или нет. Он отступил от доктора. Папе могло показаться, что мальчик не более чем уступает место ему, но для Люка это был акт неповиновения, отказ отцу в возможности посмеяться над очередной тщетной попыткой забрать у доктора любимую фотографию. Конец унижениям. За прошедшие годы Люк распрощался со всяким достоинством, с которым вошел в этот мир, но у него осталась гордость. И последнее ему привил тот же человек, который нес ответственность за уничтожение первого.

Справа от дома стоял старый зеленый «Фольксваген Жук» Веллмана. Люк направился к нему под взглядом доктора, который и не думал его останавливать, вскрыл ножом капот, перерезал провода и выкрутил свечи. Затем нагнулся и перерезал шины. Если каким-то чудом старик сбежит к машине, далеко не уйдет. Люк встал, стряхнул грязь с коленей и присоединился к отцу.

В дверях появился Аарон, с мрачным лицом. В руке он держал окровавленного призрака. Легким движением метнул простыню в ночь. Она приземлилась у ног доктора.

— Быть она здесь была, — сказал Аарон. — Но теперь ищи ветра.

В доме грохнуло что-то еще — близнецы развлекались, подхлестнутые адреналином и компенсируя отсутствие потенциальной жертвы.

Седой Папа подступил к старику. Аарон оставался в дверях: теперь, когда он видел отца за работой, блеск возбуждения вернулся в его глаза.

— Я спрошу еще раз, док, а потом, видать, начнем отрезать от тебя малюсенькие кусочки, пока не выложишь все, что надо.

Веллман отшатнулся к стене дома напротив мертвого «фольксвагена», где темнота была самой густой. Так он всех держал в поле зрения. Остановился, тяжело проглотил.

— Она была здесь недолго. Я не знал, что с ней случилось. Тот, кто ее сюда привез...

— Лоуэлл, — сказал Папа, и плечи Веллмана опустились, свет в глазах потух. — Мы забрали его голову на память. Хочешь глянуть?

Веллман побледнел и покачал головой.

— Нет... не надо. Я...

— Часики тикают, — сказал Папа.

— Они привезли ее сюда, но я не знал, что она... ваша. Я думал, она попала в аварию. Джек тоже ничего не знал. Я сделал все, что мог, но она была в таком состоянии... помочь было не в моих силах, так что...

Папа сократил расстояние между ними.

— Так что?

Старик как будто врос в землю от страха.

— Так что я ее отослал.

Папа улыбнулся. Это был хищный вид, и Люк не знал, понял ли доктор, что это еще и знак, что его время только что истекло.

— С малахольным щенком Лоуэлла, да?

Веллман молчал.

Аарон разочарованно вздохнул и вышел во двор, но сперва обернулся и крикнул близнецам, что им пора.

Здесь все и кончится, вдруг осознал Люк. Они потратили слишком много времени дома. Сперва из-за речи Мамы, потом развлечения Папы с отрубленной головой, и вдобавок в доме фермера возились с животными, когда могли сидеть в пикапе и гнать сюда, прежде чем сын Лоуэлла уехал с девушкой. Можно было бы даже подумать, что Папа тянул время специально, и прийти к выводу, что он плевать хотел на чертову девчонку, только желал избавиться от последнего уroda в семье. Разобраться с ребенком, которого не любил. В конце концов нельзя же наказывать Люка за ошибку, которую совершил Мэтт. Ничего бы не произошло, если бы безмозглый лопух не попался на уловку девушки.

Чем больше он думал, тем сильнее чувствовал ужасное, отвратительное родство с людьми, на которых они охотились и убивали многие годы. Впервые в жизни он ощутил себя в захлопнувшемся капкане, острые зубы которого готовились разорвать его плоть и переломить кости.

Больше он не был родным.

Он стал добычей.

Из мыслей его вырвал голос отца.

— Аарон.

— Пап?

— Снять скальп.

На один ошеломляюще жуткий момент Люк думал, что отец говорит о нем, что немислимый план уже приводится в действие, но затем увидел, как пятится доктор, пока на него шагает Аарон, держа нож острием вверх, и неслышно выдохнул с облегчением.

— И живет, парень. Надо кое-кого догнать. — Папа отвернулся и направился к пикапу, словно потерял интерес к пыткам, которые предстояло претерпеть доктору.

Он уже положил руку на дверцу, когда Аарон сказал:

— Эм-м, пап...

Люк с удивлением увидел, что с лица старика исчезли следы страха, будто это было отрепетированной игрой, чтобы они приняли его за беспомощную жертву. Но, как оказалось, жертвами теперь стали *они* — в дрожащей руке старика был пистолет, с дулом, холодным, как кривая улыбка на его лице, когда он прицелился в Аарона.

Никогда в жизни Веллман так не боялся. Мочевой пузырь, казалось, был заполнен до пределов, и клапан, отвечающий за сдерживание мочи, судорожно дергался каждую пару секунд, грозил сдать, если не убрать руку ужаса, которая с ним играет. Колено пронзила боль от столкновения со щекой мальчика. Но сейчас его главной заботой были не функции организма. Его поле зрения сузилось, пока в нем не оказалась только картина в свете фар патриарха семьи Мерриллов.

Они вывели из строя его машину, но это не важно. Он и не надеялся бежать. Более того, хотя им и не было это известно, обездвигив его «Жук», они ненамеренно помогли в его деле.

Мальчик с ножом — Аарон — не шевелился, но на его лице не было страха — только ненависть, темные глаза горели презрением.

— Лучше положи быстро, — сказал он, слегка отклонив голову, чтобы сплюнуть.

Веллман повел стволом.

— Назад.

Мальчишка не обратил на него внимания и взглянул на отца, который стоял у пикапа и улыбался, словно в нетерпении ожидая окончания анекдота, и спросил:

— И че с ним делать, пап?

— Как обычно, — ответил тот.

Второй мальчик, который обездвигил «фольксваген» и чье лицо Веллман задел коленом, всматривался в него. Под грязью, потом и черствостью мелькал, как показалось доктору, не гнев, который он ожидал увидеть, но стыд и, возможно, легкий намек на сомнения.

— Зачем вам это? — спросил он мальчика, все еще целясь в Аарона. — Зачем вы убиваете людей, которые ничего вам не сделали?

Люк, которого будто застало врасплох прямое обращение, открыл рот, словно чтобы ответить, но тут же закрыл и нахмурился, перевел глаза от Веллмана на землю, затем на отца, который ответил за него.

— Потому что некоторые рождаются, чтобы умереть, док, — сказал тот и двинулся с места.

Веллман почувствовал прилив паники, его взгляд метался от Аарона к его отцу, не зная, кто представляет большую опасность.

— С-стойте на месте, — выдавил он.

Седой Папа надвигался, его странный плащряса задевал каблуки и поднимал пыль.

— Как думаешь, ты родился, чтобы умереть, док?

Тяжело дыша, Веллман медленно покачал головой.

— Никто не рождается, только чтобы умереть.

Папа улыбнулся. Теперь он был всего в трех метрах, его прищуренные глаза улавливали золотое свечение из открытой двери и отвечали странным блеском из-под широких полей шляпы.

— Ты правда в это веришь?

— Да.

Наконец Папа замер на самом краю света фар, но стоял так близко, что если бы Веллман вытянул руку, коснулся бы его груди.

— Думаешь, я или мои мальчики родились, чтобы умереть?

Веллман задумался, но понял, что не может дать ответ, который напрашивался. *Вот именно, черт возьми. Все вы, сволочи, заслуживаете смерти за то, что сделали.* Но он лишь покачал головой.

— Нет. Наверное, нет.

— Тогда объясни, — сказал Папа, слегка приподняв подбородок на манер близорукого ювелира, оценивающего бриллиант. — Если ты вправду в это веришь... уважаешь жизнь и все дела... Объясни-ка, с чего нам тебя бояться, если ты не подумал стрелять?

Веллман открыл рот, чтобы велеть ему отодвинуться и заткнуться к черту, но слова умерли на языке, когда он увидел, как расширилась ухмылка Папы из-за чего-то справа, из-за чего-то в темноте за плечом доктора. Слишком поздно Веллман оглянулся и увидел позади одного из близнецов, показавшегося из непроницаемой тени у стены дома. Он успел заметить лишь невозможную маску крайнего отвращения на чумазом лице и тусклый блеск лезвия в его руке, прежде чем ребенок бросился вперед и погрузил нож в бедро доктора.

В ноге взорвалась боль. Когда ребенок выдернул нож, тот издал противный хлюпающий звук. Брызнула кровь, окрасив лицо мальчика, и Веллман пошатнулся, зажимая свободной рукой рану. Он ударился спиной о стену дома, но устоял на ногах, хотя по нему прокатывались волны боли. Кровь продолжала бить фонтаном, хлеща между пальцами, и все, что он мог сказать, пока его покидали силы: «Ох». И все же он не выпустил пистолет из рук, чувствуя холод пота на спусковом крючке под пальцем. Хотя искушение повернуть ствол на себя и закончить все раз и навсегда было сильно как никогда, он знал, что в этом нет нужды. Несмотря на невыносимую боль, словно кто-то разорвал рану и беспорядочно дергал за нервы и мышцы в ноге, он понимал, что сделали с ним и что должен успеть сделать он, прежде чем истечет кровью. Он приказал себе поднять пистолет, сползая по стене. Вокруг собирались силуэты на дворе, один из них смеялся. Стоя перед фарами, они казались демонами из самого ада.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Стью — англоязычное название блюд, родственных рагу (*примеч. пер.*).